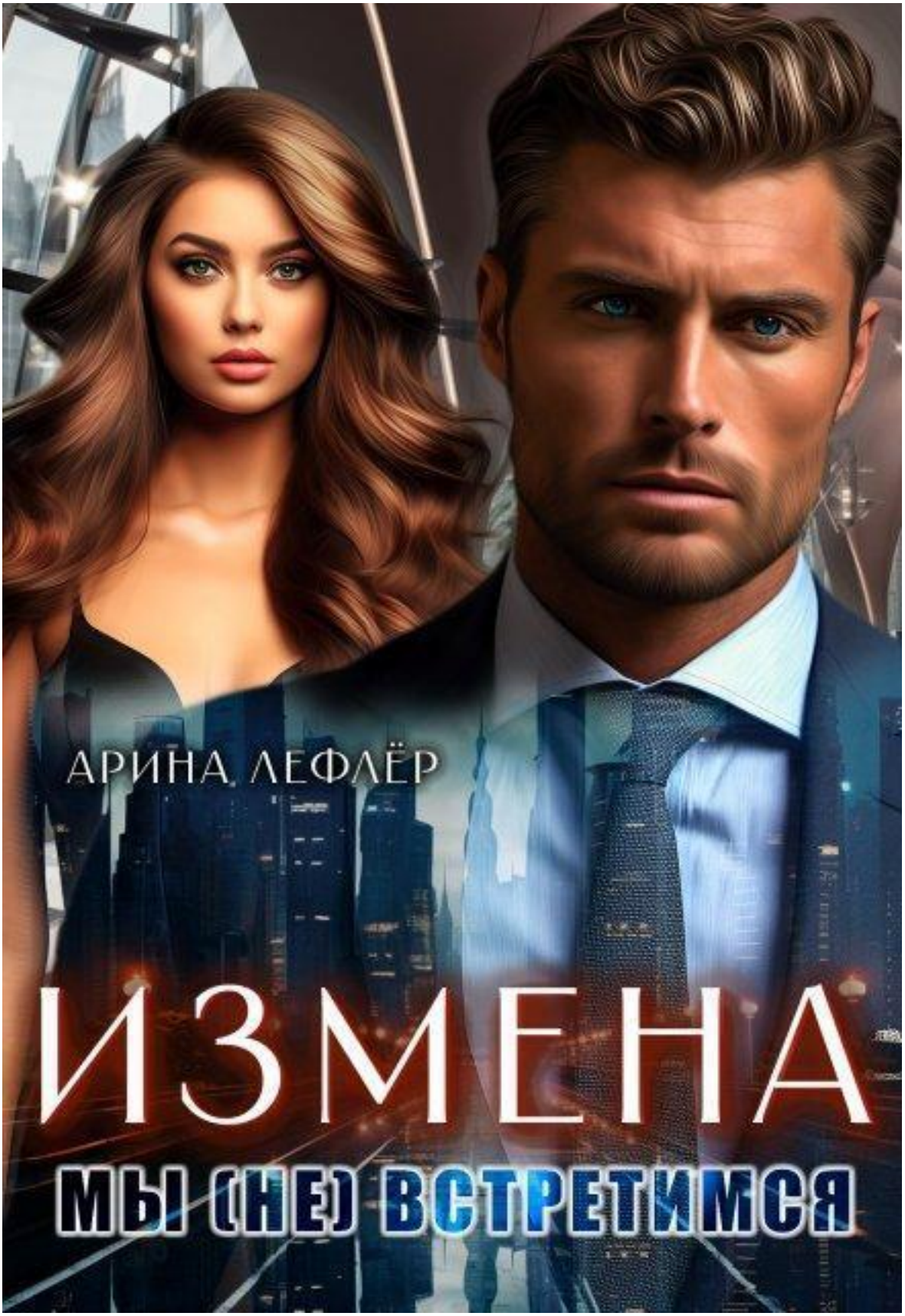
АРИНА ЛЕФЛЁР
ИЗМЕНА
МЫ (НЕ) ВСТРЕТИМСЯ

Арина Лефлёр

Измена. Мы (не) встретимся

«Литнет»
2024

Лефлёр А.

Измена. Мы (не) встретимся / А. Лефлёр — «Литнет», 2024

Он мой первый мужчина, моя единственная любовь, моя вселенная. Жестокая судьба разлучила нас, но мы вновь встретились спустя семь лет. Вот только теперь он ненавидит меня, считает предательницей и хочет отомстить. А я его люблю как и прежде… Но в этом я никогда не признаюсь тому, кто решил меня уничтожить.

© Лефлёр А., 2024
© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 17
Глава 5 21
Глава 6 24
Глава 7 29
Глава 8 33
Глава 9 36
Глава 10 41
Глава 11 43
Глава 12 44
Глава 13 47
Глава 14 49
Глава 15 52
Глава 16 54
Глава 17 57
Глава 18 60
Глава 19 63
Глава 20 67
Глава 21 69
Глава 22 71
Глава 23 73
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Глава 1

Гулкая тишина огромного офисного здания давит на уши. Я не сразу слышу, что ко мне обращаются. Смотрю на администратора непонимающим взглядом, пока до меня доходит, что ему нужно.

— Девушка, — терпеливо втолковывает мне парень, — уточните, пожалуйста, название кампании, где вас ждут.

В глазах мелькает раздражение, видно как ему хочется меня послать далеко и надолго. Но эмоции тут же исчезают, а на лице появляется рабочая улыбка. Профессионал. Хоть и молоденький.

Уважаю профессионалов. Но сейчас мне не до взаимных любезностей. Своя рубашка ближе к телу, как и жизнь. Моя жизнь.

— ЛогистикЭксГрупп, — отвечаю, нервно сжимая пальцами сумочку.

Парень-администратор кивает в ответ, берет трубку внутренней связи и с серьезной сосредоточенностью начинает звонить.

Мне кажется, что он это делает так медленно, что мне хочется его поторопить. Хотя, конечно, ему же некуда спешить.

В отличие от меня. Я смотрю как парень звонит, с кем-то переговаривается и снова звонит. Минуты тянутся, а я нервничаю с каждой секундой все сильнее и сильнее.

Мой взгляд блуждает по роскошному холлу Бизнес Центра, а потом упирается в цветок. Кактус. Он стоит на стойке ресепшена. Острые длинные иглы поблескивают силой и угрозой. Словно растение-воин говорит:

«Не тронь! Уколю!»

Странное решение для украшения такого серьезного заведения. Хотя таких защитников я уже встречала. В прошлом. Мысли скользнули в воспоминания. Они хоть немного отвлекают меня от мучительного ожидания.

Когда-то давно, еще в школьные годы, наша информатичка ставила нечто такое рядом с каждым компьютером, а на шуточки и колкие фразочки учеников отмахивалась.

«Я защищаю вас от вредоносных излучений. Вот станете взрослыми, захотите размножаться, а не сможете, вот тогда меня вспомните», — говорила она часто.

В груди стало больно. Это все ерунда. Ее забота мне никак не помогла.

Мне двадцать семь, вместо сердца — пепел, почти развалившийся брак и никаких детей ни в ближней, ни, тем более, в дальней перспективе.

И кактусы тут ни при чем.

— Повторите, пожалуйста, вашу фамилию. — Сквозь мысли пробивается голос дотошного администратора, наверное, уже не в первый раз.

Снова задумалась и не слышу его?

Вижу на его лице недовольство. Не сдерживаю эмоции, набираю полную грудь воздуха и отвечаю раздраженно:

— Гусева, — и сердито добавляю: — Ксения.

Парень вежливо кивает, делая вид, что не замечает мое возмущение, прикладывает к уху трубку внутренней связи и опять начинает с кем-то разговаривать.

Выдыхаю, услышав свою фамилию и отворачиваюсь.

По огромному холлу ездит поломойка. Оставляет за собой мокрый след. Чистый кафель блестит, словно белый лист А4.

Как же я хочу начать свою жизнь с чистого листа. Только бы прошлые грехи отпустили. А не отпустят, так и плевать, я все равно сделаю то, что задумала, и пусть меня попробуют остановить.

Перевожу взгляд на раскидистые фикусы в стильных кашпо, за ними огромные панорамные окна, а на улице бушует непогода. Дождь грозился пойти еще с утра, ходил над городом свинцовыми тучами.

Непредсказуемый Питер.

Говорят: «Москва слезам не верит?»

Только чьим, если небесные слезы, это однозначно, порождение города на Неве? А тут я со своими слезами в город слез явилась, искать помощи у людей, которые меня никогда знать не знали.

«Так-с, Ксю, кажется, ты снова раскисла, соберись, тряпка, пока мы живы, всегда есть выход. Нужно не сомневаться, а думать, как убедить генерального взять не только на работу, но и под свою защиту».

Слишком долго жду приглашение на личную беседу. Волнение отголоском вчерашней истерики на миг останавливает дыхание. Кожей чувствую, как на моей шее сжимается невидимая удавка, и хочется кричать от страха и ужаса.

Спокойствие, только спокойствие. У меня еще есть время.

Достаю из сумочки телефон. Смотрю время. Долго. Кручу девайс пару минут и отправляю обратно. Мысленно досадую на вынужденную задержку.

Не думала, что те, с кем хочу сейчас встретиться, настолько заняты. А часы неумолимо тикают против меня.

«Один, два, три, четыре…»

Дышу, мысленно считая, чтобы удержать душевное равновесие, и не дать себе сорваться.

Смотрю на невозмутимого администратора. Как же хочется присесть. А лучше спрятаться. Последнее иррациональное желание прямо свербит до дрожи в конечностях. Не могу понять откуда эта волна паники и ощущения надвигающейся катастрофы.

Неосознанно присматриваю место, куда можно спрятаться. Мой взгляд лихорадочно скользит по фойе. Слышу тихий шелест лифтовых дверей и смотрю на выходящих из лифта людей.

Замираю. Вздрагиваю, словно меня долбануло током. Сердце готово выскочить из груди. Бьет в ребра как сумасшедшее. Из лифта выходит мужчина. А я боюсь дышать, чтобы не привлечь к себе внимание.

Что за?.. Но как? Такого не может быть!

Широкие плечи, элитный дорогой костюм. Орлиный профиль. Жесткие губы и знакомые глаза, в которых теперь живет сталь.

Не верю в то, что вижу. Откуда он тут взялся?

Беркутов Павел Иванович, собственной персоной.

Мой Пашка. Вот только модельная борода смущает.

Да нет же. Я просто обозналась.

Мало ли похожих мужиков на планете?

Невольно приседаю и прячусь за кактусом. Сомневаюсь, а сама осторожно выглядываю из-за цветка. Сердце делает кульбит и подпрыгивает к горлу. В глотке першит, хочу кашлять и не могу. Дышу с трудом, прикладываю ладонь к груди.

— Все в порядке? — спрашивает администратор и смотрит с подозрением.

Молча киваю, нервно улыбаясь. Представляю, что он обо мне подумал. Да и ладно.

«Один, два, три, четыре…»

Кусая губы, считаю для успокоения и снова выглядываю из-за кактуса на мужчину.

Так вот для чего тебя сюда поставили? Мой ты спаситель!

Это я кактусу.

Смотрю на мужчину. Он повернулся ко мне спиной. Глядит на выходящих из лифта. Наверное, кого-то ожидает.

Высокий, раскачанный, видно, что следит за собой. Черный костюм пошит явно на заказ, сидит на мужчине так, что глаз не оторвать. Через одну руку перекинут плащ, из-под него выглядывает черный зонт, в другой ручка дорожного чемодана на колесиках.

Уезжает? Куда?

Тут же одергиваю себя. Тебе какое дело? Думай о предстоящей беседе, о том, что скажешь Хмельницкому, и как скажешь, чтобы он взял тебя на работу.

Но предательское сердце стучит громко, кажется, его стук слышат все вокруг. Пальцы вцепились в сумочку мертвой хваткой так, что оторвать их можно только вместе с ручками.

— Секретарь просит вас подождать пять минут, — обращается ко мне администратор, — сейчас для вас спустят временный пропуск.

Окидывает меня оценивающим взглядом.

Плевать на взгляды. Киваю и продолжаю наблюдать из своего колючего укрытия за знакомым незнакомцем.

Из лифта выпархивает девушка. С пушистой рыжей шевелюрой, в синих джинсах и черной кожаной куртке, что-то мило ему щебечет. Если это Паша, то ему такие всегда нравились. И я когда-то была такая.

Он смеется над ее словами. Его раскатистый смех достигает моих ушей, и я уже не сомневаюсь…

Это он.

Беркутов Павел Иванович.

Человек, когда-то разбивший мое сердце, и которого я когда-то оскорбила своим недоверием. Отвергла его любовь и наше будущее. И даже мысленно похоронила.

Меня штормит. Я столько лет училась жить без него, прятала свои чувства, выжигала их мыслью, что этого человека больше нет в этом мире, а он стоит посреди холла Бизнес Центра и мило воркует с рыженькой малолеткой.

Как же несправедливо обошлась со мной судьба!

Как же хочется рвануть к нему, обнять, расплакаться. Пожаловаться на жизнь. Попросить защиту.

Но не могу. Не имею права. Комок застрял в глотке. Даже сглотнуть не могу.

А плакать? Плакать я давно разучилась.

Я сама во всем виновата. Я выбрала свой путь и буду идти по нему. А он пусть топает своей дорогой.

Они направляются к выходу.

За стеклянными тонированными дверьми темно. Льет ливень. Беспощадные струи бьют по стеклу и стекают вниз мощными ручьями.

Так и хочется крикнуть: “Ты куда? Посмотри какая там погода!”

В моей душе не лучше. Мощный фонтан эмоций бьет в голову, кровь прилила к лицу, но я стою и не могу даже пошевелиться.

Это не может быть правдой… Он же… Его же… Я же давно смирилась с мыслью, что нужно жить без него. Я так долго училась жить без него: все эти годы.

Внутренний голос не успокаивается, он кричит совсем другое.

Ну посмотри на меня! Узнай меня! Сама я теперь никогда к тебе не приближусь даже на метр. Я не имею на это право после всего, что сделала с тобой.

Паша словно слышит мои мысли. Останавливается, начинает крутить головой, смотреть по сторонам и поворачивает голову в мою сторону…

Я успеваю заметить на его лице недоумение.

Тут же трусливо приседаю и прячусь за молчаливого колючего друга.

Девчонка отвлекает его, снова что-то щебечет. Он отворачивается и посматривает на лифт.

Кого-то ждут еще?

А я слушаю, как мое сердце разрывает грудную клетку: "Там-та-дам-та-дам-та-дам!"

Все равно во все глаза смотрю на него и не могу насмотреться. И успокоиться не могу.

Он так открыто ей улыбается и отвечает. Его улыбка. Этот милый клык справа. Пашка изменился.

Никогда не думала, что он будет с бородой. Смешно выглядит в моих глазах. А взгляд все такой же цепкий и насмешливый. Помню Пашкины неожиданные шуточки...

От его присутствия сбивается дыхание. Теперь смотрю на него, словно голодный на еду, пристально, отмечая каждую мелочь.

Он возмужал, в плечах стал шире, ну и одежда. Такой костюм украсит любого мужчину. Пашка хорош даже в самой простой одежде. Я помню его в домашних шортах и растянутой футболке. И он мне был мил.

Сердце никак не желает успокаиваться. Шипят лифтовые двери, выпускают новых пассажиров.

К парочке устремляется молодой мужчина в таком же строгом костюме. Высокий с аккуратной бородкой.

Тендер на лучшую бороду года?

Он отдает что-то Павлу. Они пожимают друг другу руки. Девчонка чмокает Пашу в щеку и машет ладошкой. По губам читаю “счастливо”.

Перед Павлом бесшумно раскрываются двери. Он выходит на улицу.

А у меня в душе образовалась пустота. Будто именно сейчас из моей жизни ушло самое важное.

Едва сдерживаю себя, чтобы не бежать следом и вымаливать прощение.

Дождь немного стихает. Погода начинает успокаиваться. Сквозь мутное стекло видны дома и машина у входа. “Такси”. Пашка мутным пятном двигается по улице.

Но я бы не удивилась, если бы он рванул прямо в непогоду. Плевать! Хоть шторм, хоть ураган, он шагнет вперед, не раздумывая. Кому это знать как не мне? Он такой горячий.

Был.

Тут же исправляю себя: “Есть!”

Но время неумолимо. Оно меняет людей. Меня изменило.

— Можете проходить, ваш временный пропуск, — охранник подает мне карточку с золотым тиснением по серебристому полю “ЛогистикЭксГрупп”. Золотое тиснение из букв и маленький паровоз в углу. Знак железной дороги.

Название компании, куда я спешу для личной беседы с генеральным директором, папиным студенческим другом. Иду за помощью, потому что, кажется, в этой жизни больше мне никто не сможет помочь.

Дорогие друзья!

Приветствую Вас в новой истории.

Если нравится, не стесняйтесь, ставьте лайки на карточке книги и пишите коммы. Автору приятно читать обратную связь.

Чтобы не потеряться, не забудьте подписаться на автора и кинуть книгу в библиотеку!!

Приятного чтения!

Ваша Арина Лефлёр.

Глава 2

Визуалы героев
Дорогие мои читатели!
Хочу познакомить Вас с главными героями этой истории.
Итак!
Главная героиня - Ксения Золотовская (по мужу Гусева) (Ксюша, Ксена, Ксю, Ксюка)

Главный герой романа - Павел Иванович Беркутов (Пахан, Пашуня, ПашА)

Глава 3

Спешу скрыться подальше от этого места. Ускорила шаг, чтобы успеть в лифт. Дверцы раскрыты. Заскакиваю внутрь и прислоняюсь спиной к холодной зеркальной стене, пытаюсь отдышаться. В кабинке пусто. Громко выдыхаю. Рано.

Дверцы не успевают закрыться, в кабинку входит тот самый молодой мужчина, что общался с Пашей. Он кивает мне и спрашивает:

— Вам на какой?

Я замираю. Вот балда, из-за нервов не спросила у администратора, на какой мне нужно этаж, и он ничего не сказал, видимо, решил, что сама знаю.

Какое доверие!

— Мне нужно в офис “ЛогистикЭксГрупп, — показываю я ему карточку-пропуск.

Мужчина смотрит на меня, и я вижу, как в его глазах меняется эмоция: от равнодушия до пристального интереса. Он старается незаметно окинуть меня с головы до ног, но это у него не получается. Слишком маленькое пространство. Я не облегчаю его положение никак, смотрю в упор, показывая, что я в курсе того, что он сейчас делает. Мужчина усмехается и ведет ладонью по волосам. Этакая молчанка на рапирах.

Мы понимаем суть игры и отводим взгляд друг от друга.

— Десятый этаж, направо, — все же сообщает он, глядя мне в глаза через зеркало, и делает вид, что потерял ко мне всякий интерес.

Ну-ну!

Я знаю, как реагируют на меня мужчины, только мне этого не нужно.

Смотрю на свое отражение и не узнаю. То ли я действительно изменилась за те три минуты, что наблюдала за привидением из своей прошлой жизни, то ли .это так изменилось восприятие из-за перенесенного только что шока. Это шок. То, что я сейчас пережила по-другому не назовешь. Я не хочу сейчас думать об этом, и вспоминать пока не хочу. Я как Скарлетт, отложу эти думы на более удачное время, когда решу насущные проблемы.

Хмельницкий, это моя практически единственная возможность выйти невредимой из той истории, в которой оказалась по собственной глупости. Я бы могла все свернуть на своих заботливых родителей, устроивших много лет назад для меня удачный брак. Но не смею. О мертвых либо хорошее, либо ничего.

Они же тогда не могли предположить, в какое чудовище превратится мой муж, и что он будет вытворять при живой жене. Пока еще при живой. И если бы они не погибли в той нашумевшей авиакатастрофе, то, Алик наверняка поостерегся бы вести себя так нагло по отношению ко мне.

Ну вот. Снова задумалась. Последнее время только и делаю, что думаю, как выпутаться из все этого и остаться целой. Наверное, мое лицо выдает меня. Никогда не умела хорошо прятать эмоции.

Читай меня, как раскрытую книгу!

Ловлю на себе взгляд попутчика. Он трет указательным пальцем бровь, будто пытается что-то вспомнить, и отводит взгляд.

Лифт дзинькает и останавливается на десятом. Я стремлюсь на выход, и мужчина тоже выходит со мной. Только он сразу поворачивает налево и скрывается за поворотом, а я иду направо к двум стоящим рядом письменным столам. За одним из них сидит, видимо, секретарша, женщина лет за сорок. С короткой стрижкой, в элегантных очках. Косметика в меру. Ухоженная. Одежда по дресс коду: голубая рубашка прямого кроя с карманом на груди. Она встает и выходит из-за стола. Черная юбка-карандаш ниже колена, туфли на среднем устойчи-

вом каблуке. Завтра я должна буду выглядеть так же. Конечно, если меня возьмут на работу и дадут защиту.

"Милая, — отмечаю про себя. — Должны сработаться".

Это уже мой опыт офисной работы подал голос. Секретарь вежливо обращается ко мне:

— Это про вас спрашивал Виктор Стефанович? — И не дожидаясь моего ответа, кивает на дверь. — Проходите.

И я прохожу.

Ноги не сгибаются, пальцы подрагивают, но я приклеиваю рабочую улыбку на лицо и походкой от бедра вхожу в кабинет генерального директора крупнейшей логистической кампании северо-запада нашей страны.

Кабинет просто огромен. Посреди стоит письменный стол , за которым восседает Хмельницкий. Он внимательно следит за каждым моим шагом.

Не удивлена. За панорамными окнами городской вид с высоты птичьего полета. Завораживает. Другого увидеть я и не ожидала, я бывала в таких кабинетах и не раз.

У моего отца когда-то был, конечно, поменьше, но тоже на верхних этажах Москва-Сити, и я частенько приходила к нему на работу полюбоваться на рабочую столицу.

Но вот руководить своей кампанией отец мне не доверил. Нашел себе преемника и заставил меня выйти замуж, меня, совсем молодую, зеленую девятнадцатилетнюю девчонку. Почти девственницу.

Сейчас я вспоминаю ту ситуацию с приглушенной тоской, а вот тогда…

Мне казалось, что моя жизнь закончилась.

Но нет, она может закончиться сейчас, если я не смогу убедить Хмельницкого, что нужна их кампании.

Сейчас многое зависит от того, выйду я с работой в руках, или меня не примут.

Беру себя в руки, глубоко вдыхаю и замечаю в последний момент улыбку на лице секретаря.

Захожу. За столом сидит пожилой мужчина.

Я узнаю его. Я видела его на фотографиях в старом папином альбоме. Только там он еще молодой.

Сердце сжимается от тоски. Я смотрю на этого седовласого мужчину с благородными чертами лица. Холодная змейка сжимает мою грудь. Вот таким мог быть сейчас и мой отец. Пожилым, высоким и красивым. Обязательно красивым, ведь не только дети для родителей самые красивые, правда?

Родители для детей тоже всегда самые красивые!

Мы виделись всего один раз с Хмельницким, очень давно, на одной из сделок моего отца. Меня даже представляли ему.

Было это, правда, еще на первом курсе университета. Тогда я и внешне выглядела совершенно по-другому.

Папа тогда еще лелеял надежду приобщить меня к своему бизнесу. Мама не одобряла его решения. Считала, что достаточно выдать меня замуж за делового партнера, а дело женщины не деньги зарабатывать, а держать семейный тыл.

— Добрый день, — приветствует меня Хмельницкий и приглашает жестом присесть на стул.Сажусь, все по этикету, колени вместе, руки на колени, спина прямая, словно кол мне туда всунули, подбородок повыше. Смотрю не пряча взгляд. Именно сейчас меня сканируют и принимают решение. Как рассказывал отец, Виктор Стефанович всегда с первого взгляда определял, кто ему враг, а кто ему друг. Это потом он научился еще и определять, насколько человек годен для его империи. Я годен. У меня Академия за плечами с красным дипломом, пять лет работы в логистической кампании отца, потом мужа. Владение тремя языками.

— Ну так я вас слушаю, госпожа Гусева, — отмирает Хмельницкий, смотрит в ноутбук. — Что за личные вопросы могут быть ко мне у невестки самого Гусева. Я не ошибаюсь?

Он снимает очки и кладет рядом на стол. смотрит на меня пристально, и я вижу усталые морщинки у глаз.

— Да, я невестка и жена Гусева Ксения Сергеевна. А еще я дочь. Сергея Николаевича Золотовского. И скоро стану снова Золотовской Ксенией Сергеевной.

— О как, так ты Сережкина дочка, значит?

На лице Хмельницкого появляется улыбка, а у меня камень с души. Кажется, я немного растопила его сердце.

— Ну а теперь, девочка, рассказывай, что тебя привело ко мне.

Глава 4

Замолкаю на минуту.

Подбираю нужные слова.

Столько часов готовила речь. Собирала буквы в слова, пока ехала в поезде, потом слова в предложения, это уже в такси.

В метро спускаться не решилась. Отвыкла от подземных коммуникаций. Все же к хорошему привыкаешь быстро.

Логичное и в меру эмоциональное объяснение моего появления в этом кабинете было готово.

А вот сижу перед этим человеком, смотрю на него, сотканного из всего, что его окружает, и понимаю, что ему вообще ни к чему видеть мои сопли и слезы.

Ему не нужен слабый сотрудник, ему нужен борец, такой же как он. И плевать, что это дочка его однокурсника. Еще неизвестно, в каких они были отношениях, хотя, отец о нем всегда отзывался хорошо.

Может, Хмельницкий поэтому и сидит в этом кресле, потому что умеет совладать с эмоциями: откинуть их в сторону и жить холодным расчетом.

Я забываю все, что хотела сказать изначально: про погибших родителей, неудачное замужество, предательство мужа и обоснованную тревогу за свою жизнь.

Нет, я скажу ему все это, но уже другими словами.

Он ждет. Терпеливо. Иногда посматривает в экран ноутбука.

Прибыль считает?

Начинаю с самого главного, что может его заинтересовать. Набираю в грудь побольше воздуха и говорю:

— Я сейчас развожусь с мужем… — стараюсь не выказывать волнение, но пальцы, вцепившиеся в сумку, выдают меня с потрохами.

На его лице читаю: “И зачем мне это знать?”

— Я подала на развод и на раздел, мой пакет акций в компании мужа значительный. Я работала в фирме отца, но последние три года меня старательно отодвигали от дел. Верные люди предупредили, что если я попытаюсь отсудить хоть что-то, то меня просто уничтожат.

Брови Хмельницкого сдвигаются по мере получения информации. Он смотрит на меня недоверчиво.

Закрепляю эффект чужой фразой, сказанной мне доверенным отца. Бывшим доверенным.

— За такие деньжищи меня закатают среди белого дня посреди самой известной площади, и полиция не найдет свидетелей. — Вздыхаю и продолжаю говорить: — Мне предложили спрятаться на время, закопаться поглубже и не высовываться, пока все не закончится… Но я не хочу… И не буду… Я прошу взять меня на работу и защитить от… Родственников. Тем более, что они скоро станут мне... Неродственниками.

Я замолкаю, во все глаза смотрю на Виктора Стефановича. Он молчит, смотрит в панорамное окно, словно рисует границы предстоящей битвы. Иногда легонько кивает головой своим мыслям.

— Если хочешь что-то спрятать, положи на самое видное место… — говорит он будто сам себе и обращается ко мне: — Умно. Сама додумалась или кто подсказал?

— Были варианты, я выбрала этот.

— А что ж Сергей? Он-то куда смотрит? Почему ты к отцу за помощью не пошла?

— Папы нет. — Слезы уже подступают к горлу, но я держусь.

— Как. Когда. Как это случилось? — Сейчас передо мной обычный человек, не монолит, который встретил меня вначале.

— Авиакатастрофа. Летели с мамой с отдыха. Шесть лет назад.

Не могу вымолвить ни слова. А больше и не требуется. Молчим. Я тереблю ручку сумочки. Хмельницкий смотрит перед собой, крепко зажав в пальцах очки.

— Я не знал. — Первым отмирает Виктор Стефанович. — Долго находился за границей по делам компании. Пропустил дурную новость. Земля пухом. — Кладет очки на стол и трет лоб. — Хорошо. В память о нашей с ним дружбе, я беру тебя в наш штат. Нам как раз нужна помощница для директора по общественным связям. — Он кивает на экран ноутбука. — Я прочитал твое резюме, ты нам подходишь.

И неожиданно спрашивает меня на хорошем китайском:

— А дети у тебя есть?

На автомате отвечаю тоже на китайском:

— Нет.

И чувствую, как кровь приливает к щекам.

Он недовольно фыркает и говорит на английском:

— Какие твои годы, будут еще.

И выжидающе смотрит на меня. Английский мой второй родной язык.

— Конечно, будут, — киваю.

Ну не говорить же ему, что в лучших столичных клиниках мне давно поставили диагноз: бесплодна.

Два дня назад

Встреча с бывшим поверенным отца напоминает игру в пинг-понг. Вопрос-ответ, фраза на фразу, слово на слово. Иногда я начинаю сомневаться, что мой отец действительно доверял этому человеку все свои дела.

Я сижу в кафе, телефон открыт на вкладке Госуслуги. Нужно тыкнуть несколько раз, чтобы начать бракоразводный процесс со своим благоверным, вернее, теперь уже неблаговерным.

Напротив усаживается Петр Николаевич Корсаков. Коричневый вельветовый пиджак на плечах пожилого мужчины делает его по-домашнему близким и уютным. Обманчиво близким и уютным, ибо то, что он мне говорит чуть позже, повергает меня в шок.

— Здравствуйте, Ксения Сергеевна, — мило картавя стечение согласных с “р”, умащивается он поудобнее напротив меня и ищет глазами карту меню.

Из-за этой картавости и манеры общаться я иногда сомневаюсь, что так его назвали при рождении родители, и что это, вообще, настоящее его имя.

— Здесь неплохой кофе, — поднимаю взгляд от телефона и хвалю местного бариста.

— Признаться, был приятно удивлен вашему звонку, очень неожиданно. Что-то случилось? — Петр Николаевич прищуривается, будто близорукий. Из-под бесцветных ресниц на меня устремляется пронзительный взгляд почти прозрачных рыбьих глаз. Испуганные мурашки бегут и прячутся в районе груди. К горлу подступает тошнота.

Но я-то знаю, что со зрением у него все в порядке. Папа когда-то не зря называл его “старый лис”, но всегда доверял и уважал. И мне сказал, что для этого человека профессиональный долг и репутация превыше всего, и он никогда не нарушит слово, если кому-то его дал, и выполнит обещанное.

— Добрый вечер, Петр Николаевич, простите, что отвлекла вас от заслуженного отдыха.

Он кивает, принимая мои извинения.

— Но дело такое … Щепетильное… В общем, я решила подать на развод. — Киваю на телефон, где под потухшим экраном осталась открытая вкладка Госуслуг. — И думаю, чем мне это грозит, кроме тягомотного процесса с выливанием грязи в соцсети, в печать и так далее.

— Правильно думаете, — кладет он руки на стол, отводя назад локти, и демонстрируя в мудре длинные пальцы с маникюром. — При таком капитале люди не разводятся тихо, у журналюг на такое дело особый нюх, достаточно где-то просочиться одной капле мерзости, и они раздуют из этого тонну грязного стекла. — На лице появляется гримаса брезгливости. — Отговаривать вас, я так понимаю, уже бесполезно? — Он кивает сам себе, взглянув в мои глаза. — Чего вы хотите от меня, если уже все решили?

— Чем мне это еще грозит? Насколько это опасно для меня. Ну кроме громких криков прессы?

— Чем это грозит? — повторяет, скорее, для себя и задумчиво смотрит в окно Петр Николаевич. — Ну грязь будет… немного, но не без того, но если вы спрячетесь куда подальше и не станете высовываться, то может и не так сильно захлестнет, вы же не жена президента, пополощут громко пару раз, но быстро и забудут… это все? — недоверчиво смотрит на меня.

— Я знаю, что вы вели раньше дела моего отца… — В горле сворачивается ком, с трудом, но сглатываю.

Родителей нет уже несколько лет, но все будто случилось вчера.

— Если я подам на раздел имущества… — не продолжаю, смотрю в его непроницаемое лицо.

Вот где поучиться игре в покер. Ни одна мышца не пошевелилась, только глаза прикрыл на мгновение. Он надолго замолкает. Нам наконец приносят кофе. В маленьких чашечках, стилизованных под гжель. Петр Николаевич берет салфетку и нервно теребит.

— Вот здесь я вам не советчик. Сможете ли вы управлять такими активами? В тот бизнес как-то не принято пускать женщин, вы же понимаете? Я помню, у Сергея Николаевича была такая мысль — научить вас руководить компанией, поскольку не было наследника — сына, — кивает и вздыхает, — но он быстро оставил эту затею и нашел вам хорошего мужа, связанного с его бизнесом. Что не так? Поверьте, я не хочу рыться в вашем белье, но неужели все так серьезно, что вы решились на крайние меры?

— Мы давно не вместе, и сейчас… — набираю полную грудь воздуха и выдыхаю. — Он с любовницей на Алтае… типа, деловая поездка…

— Оу, ну знаете, любовницы в нашем мире, это обычное дело, я вас умоляю, когда я был помоложе… — печально вздыхает и, видимо, передумав делиться со мной о своих проделках молодости, говорит: — Если вы подадите на развод и раздел, то я не дам за вашу жизнь и пять копеек. За такие деньжищи… Вас переедут на главной площади танком, и поверьте, полиция не найдет тех, кто это видел, а кто сделал и подавно. Если хотите мой совет, то их два. Первый звучит так — живите как жили, наслаждайтесь, пользуйтесь капиталами, ребенка родите, наконец.

Замолкает, понимает по выражению моего лица, что затронул больную тему. Сжимает салфетку в пальцах.

— Простите, я не хотел вас обидеть. А второй, если вы все же решитесь сделать то, что озвучили сейчас… Уезжайте из нашей деревни, спрячьтесь в самую дальнюю норку, выждите, пока все успокоится. А еще лучше, найдите себе достойного покровителя, такого, чтобы мог противостоять империи Гусевых, чтобы был им не по зубам, а иначе… Иначе они вас сожрут, поверьте.

Я читаю в его глазах сожаление и сострадание…

Мы сидим в кофейне, перед нами кофе в стилизованных под гжель чашках, но никто так и не притронулся к напитку: он давно остыл…

— Это все? — он с досадой смотрит на холодный кофе.

Я киваю. Он приподнимается над столом.

— Тогда я желаю вам счастья и удачи. Поверьте, они вам понадобятся.

Он уходит быстро, не прощаясь, словно спешит уйти подальше от прокаженной. Я молча смотрю на его сутулую спину.

Коричневый цвет, он теплый, а меня пробирает ледяной холод от только что услышанного.

Сижу еще десять минут.

Думаю над его предложениями. Странно, но после нашего разговора я не испытываю ниче-го. На меня навалилась какая-то пустота, будто я уже умерла, исчезла, меня нет в этом мире.

Вздрагиваю, прогоняя это состояние.

Ну, нет, не дождетесь! Я так просто не сдамся. Хватит терпеть и подстраиваться под чужие интересы.

Сминаю свою ни в чем не повинную салфетку и швыряю на стол.

Как же меня достало все это.

Я принимаю решение и топаю на выход.

После встречи с Корсаковым я не вернусь домой.

Охрана мужа, приставленная ко мне сразу после свадьбы, ждет у дверей. Они словно сыскные ищейки чувствуют мою нервозность и стараются держать меня в поле зрения.

А может, Алик приказал им не спускать с меня глаз?

Не удивлюсь. Он знает мой непредсказуемый характер.

Прохожу мимо одного из “шкафов” в цивильном костюме, улыбаясь, киваю и топаю в туалет. Ну что ж, придется поиграть в шпионов.

Пока мой охранник отвернулся, шмыгаю по коридору в подсобное помещение и устремляюсь к черному ходу.

Когда еду в такси, захожу в приложение и заказываю себе билет на поезд.

Я не буду прятаться, никаких норок, где меня можно шлепнуть в момент, и никто об этом не узнает.

Говорят, что наглость второе счастье?

Вот и я, буду сидеть внаглую на самом видном месте, и пусть попробуют со мной что-нибудь сделать. А покровителя я найду.

Глава 5

Сейчас.

Я жду, когда Виктор Стефанович скажет мне что-нибудь на арабском. Если он читал мое резюме, то должен был это увидеть. Но он молчит. Задумчиво трет пучкой большого пальца по указательному и среднему, будто солит что-то.

Я уже заметила, что он так делает, когда думает. Еще и прищуривается. Сижу и терпеливо жду. Не мешаю.

— Ну что ж, — наконец Хмельницкий обращает на меня внимание, — родня родней, а испытательный срок на месяц я все же тебе назначу, но… Если замечу, что все ладится, то полную ставку получишь раньше. Сейчас материально как? Где живешь?

Киваю в ответ.

— С этим пока проблем нет. У меня свой личный счет. А живу у дальней родственницы. Муж не знает о ней.

Хмельницкий вздыхает.

— Советую не распространяться в коллективе о ситуации, пока картина не прояснится.

— Да, я понимаю, — соглашаюсь с теперь моим главным боссом.

— Ну вот и хорошо, вот и хорошо…

Он снова задумчиво смотрит в панорамное окно, солит. Снова вздыхает, очнувшись.

— Кофе или чай? Или лимонаду? — предлагает радушно, улыбается.

От предложения в моем животе урчит. Мне кажется, так громко, что слышит мой собеседник. Становится стыдно, и я принимаю предложение.

— Можно чай… С лимоном.

Хмельницкий тут же нажимает на столе кнопку вызова. Через две секунды дверь в кабинет распахивается, и на пороге появляется секретарь.

— Слушаю вас, Виктор Стефанович. — Она останавливается в проходе и ждет указаний.

На лице босса появляется добрая улыбка.

— Катенька, можно нам два чая с лимоном и чего-нибудь перекусить?

— Да. Сейчас принесу.

Пока ждем чай, переходим в зону отдыха или приема особых клиентов. Коричневый кожаный диван в тон мебели.

Секретарь приносит на подносе две чашки с чаем и тарталетки с красной икрой.

Ничего себе скорость! Она их прямо сейчас сделала, или закуски всегда наготове?

Пьем чай. Тарталетки со сливочным сыром. Вкусно!

Виктор Стефанович экзаменует меня на знание языков. Спрашивает, я отвечаю. В какой-то момент не выдерживаю, чтобы не уколоть. Что за характер?

— Зачем вам помощница? Вы и сами неплохо справляетесь, — расслабившись, смеюсь, отпивая вкусный чай.

— Ты смотри и запоминай, тоже придется делать, — кивает Хмельницкий на угощение. — Катенька, конечно, обучит тебя за пару дней всем этим премудростям. А помощница мне… Переводчица… — уточняет, наклоняя голову и с улыбкой глядя на меня. — Нужна для солидности, а еще пусть думают, что я ни бельмеса… А я тут как тут, все слышу, вижу, знаю, — подмигивает он мне и тут же вздыхает, и по лицу его, словно тень пробегает. — Эх, Сережка, как же это… И Рита, у них же такая любовь была… Есть… Люди умерли, а плоды их любви по земле ходят, поэтому и любовь жива, потому что плоды живы.

Я знаю историю знакомства родителей. Они учились в одном институте, железнодорожном. И даже на одном факультете, и жили в одной общаге. Папа на год старше мамы. Познакомились на студенческом фестивале “Студенческая осень”. Папа любил художественную само-

деятельность, хорошо пел и танцевал. Он выступал, пел какую-то супер популярную в то время песню вместе с мамой. Кажется, что-то из Басты. Их команда заняла первое место. Они пошли отмечать победу в общагу и переспали случайно, а утром мама сбежала из комнаты и долго избегала папу, а потом… а потом они поженились, и появилась я. Отец признавался, что сразу приметил худенькую рыжую девчонку и подстроил так, чтобы они выступали вместе.

Слышится стук в дверь, и сразу же входит мужчина.

— У тебя гости? — обращается он к Хмельницкому и кивает мне, здороваясь. — Прости, не знал, — с выражением самой честной честности говорит мой попутчик из лифта.

— На ловца и зверь бежит, сын, познакомься, это наша помощница, Ксения Сергеевна Гусева.

Обмениваемся с сыночком Хмельницкого взглядами. В лифте я была слишком возбуждена после того, как увидела привидение из прошлого.

Чтобы держать лицо рядом с человеком, который только что прощался за руку с моей самой большой тайной и позором в одном лице, казалось, ушли последние силы. Но нет, как обычно, у меня открылось второе дыхание.

С виду сын очень даже серьезный мужик, и очень внешне похож на отца, но в глазах играют чертики.

А! Я поняла, он проверяет меня на вшивость? Скажу или не скажу, что мы уже с ним виделись? И что он даже показал мне правильное направление, где находится кабинет его отца. Хитрец!

Но я тоже в офисных играх раньше слыла неплохой мастерицей. Во всяком случае могла всегда любую стерву на место поставить и, если нужно было, даже применить запрещенные приемчики.

Незаметно строю ему глазки, демонстрируя, что поняла его уловку. Он набирает полную грудь воздуха и выдыхает. Выразительно чешет указательным пальцем за ухом.

Не ожидал?

Виктор Стефанович не замечает наши переглядки и продолжает нас знакомить.

— А это Ксения, мой сын, Глеб… Викторович. Очень перспективный молодой человек. — Он постукивает пальцем по стеклянной столешнице и снова смотрит на сына, обращаясь уже к нему: — Она дочка моего однокурсника, учились когда-то в институте железнодорожном.

При упоминании о моем отце меняется его выражение лица, на лбу собираются скорбные морщины.

— Да, жаль Сережку, толковый был, и руководитель, и студент, и товарищ…

Он ведет головой в сторону, словно запрещая себе говорить и вспоминать.

Я молчу. Опускаю нарощенные ресницы, чтобы не выдать себя.

Мне больно.

Хоть родителей нет уже несколько лет, но как только начинаешь ковырять эту рану, становится нестерпимо больно, будто это произошло только вчера.

Я еще не решила, могу ли доверять этим людям. А надо бы подумать в обратную сторону: а будут ли они доверять мне, если учесть, что империя Гусевых прямые конкуренты компании Хмельницкого?

Мне ли не знать, как они уводят постоянно друг у друга клиентов на тендерах?

Виктор Стефанович приподнимается и тянется к зеркальной дверце сбоку диванчика.

Глеб, заметив его движение, тут же замечает:

— Папа, тебе нельзя.

— Глеб, я коньячку, пятьдесят грамм за упокой души старого друга. — Он не оправдывается, он ставит перед фактом. — И мне доктор прописал.

Достает начатую бутылку и три маленькие рюмочки. Глеб не протестует. Я молча наблюдаю. Я гость.

— Попроси Катеньку лимончика принести, — просит Виктор Стефанович сына.

Мне кажется, что Хмельницкий зрительно как бы постарел. Или его так тронула новость о гибели моего отца? Не знаю.

Глеб уходит и через минуту возвращается с тарелкой нарезанного тонкими ломтиками лимона. На столе уже стоит налитый на мизинчик коньяк.

— Ну, пухом, — не чокаясь, выпиваем и закусываем кислым лимоном. От капли коньяка в голове шумит. Утром не успела позавтракать, а тарталетки с чаем меня не насытили. А если учесть, что я не умею пить, и как всегда шутил Пашка: “Тебе только пробку понюхать и уноси готовенькую”. Так и есть. А еще, когда я пьяненькая, то болтливая дурочка. С опозданием понимаю, что в моих мыслях опять Пашка.

— Скажите, а вы в фильме каком-нибудь не снимались? — расслабившись, Глеб задает вопрос и задумчиво на меня смотрит.

— Глеб, что за подкаты? От тебя такого не ожидал, — не скрывает удивления Хмельницкий.

— Виктор Стефанович, вы не о том подумали. — Глеб комично прикладывает ладонь к груди. — Лицо девушки показалось знакомым. — И снова обращается ко мне: — А в рекламе какого-нибудь майонеза? Кофе? Стирального порошка? Нет? Точно?

Машу отрицательно головой и улыбаюсь.

Хмельницкий возмущенно машет рукой на сына.

— Ну что ты к девушке пристаешь с глупостями? Сейчас испугается и не захочет работать с нами, — подмигивает мне Хмельницкий старший. — А у нее в арсенале три очень нужных нам языка, особенно третий.

— Ну если только три языка. — Глеб произносит слово “языка” с таким выражением, что мне становится неловко, и я замечаю в отражении стеклянного столика свои пунцовые щеки.

Старший Хмельницкий не замечает сыновью провокацию и продолжает вещать:

— Ну вы молодые, быстрее между собой договоритесь и сработаетесь. В общем, Ксения Сергеевна, это один из ваших непосредственных начальников. Надеюсь, вы их не обидите и сработаетесь, — шутливо трясет в воздухе указательным пальцем.

— Их? — удивленно хлопаю ресницами.

— Да, я вас отдаю эти двоим молодцам, горячим и креативным. За вами молодыми попробуй угнаться. Вот и гоняйтесь, — подмигивает он мне. — А нас, стариков поганой метлой на пенсию внуков нянчить.

Пожимаю плечами. Не нахожу слов, потому что начинаю понимать, кто будет в этой парочке вторым.

Хмельницкий встает с дивана и идет к рабочему месту, усаживается за рабочий стол. Все понятно. Приватная часть беседы окончена, возвращаемся в рабочую зону.

Я с облегчением вздыхаю.

— В отделе кадров заполните и подпишите документы… Катенька вам все расскажет и поможет, — кивает он на дверь.

— Я провожу, — предлагает Глеб и идет к двери.

Где-то колокольчиком бьет тревога. Что-то не так. Я разворачиваюсь на выход и останавливаюсь как вкопанная.

На полке я вижу несколько фотографий и на одной из них… Пашка… Совсем пацан, в солдатской форме, стоит в обнимку с хозяином кабинета… И улыбается той самой лучезарной улыбкой, за которую я его когда-то полюбила.

Глава 6

Не поехать на алтайскую конференцию я не мог.

Можно было, конечно, в этот раз загнать сюда Глебку. Но как подумаю, что он может снова наломать не тех дров, и мы снова понесем убытки, и мне придется прикрывать его задницу перед стариком, так лучше все сделать самому, а не доверять кому-то, хоть и своему брату, двоюродному.

Нужно было развивать связи с потенциальными поставщиками. Знакомиться с новыми клиентами, продолжать общение со старыми.

Только подумал о старых, и вот они на горизонте нарисовались.

Старые связи.

Ну как старые, с Еленой мы знакомы уже два года.

Несколько постельных встреч на вот таких конференциях и поздравления в мессенджере со знаменательными праздниками, как то день рождения, и, конечно, государственными, которые в рабочем календаре обозначены красным цветом. Пару раз отправлял курьером букеты на женский день и ее день рождения.

Все. Считаю, этого достаточно, чтобы женщины считали тебя богом.

Ну, это если не брать в расчет мои постельные умения и навыки.

Пока никто не жаловался.

Я ж не сухарь, черствый.

И женское внимание я люблю. Особенно, когда оно не требует какого-то постоянства и обязательств. С некоторых пор я вижу в женщинах только одно привлекательное качество: их можно трахать, или минет. Но это для меня тоже самое, только в другом виде.

В фойе делового центра многолюдно, но Елена безошибочно находит меня в этой многоликой толпе.

Нюх у нее на меня что ли?

В строгом брючном костюме и белой рубашке она выглядит сексуально деловой женщиной. Гладкие волосы в высоком хвосте выглядят беспорядочно, но это только так кажется.

Чтобы выглядеть вот так небрежно и в то же время стильно, Лена тратит немалое бабло.

Она исполняющий директор одной из сибирских логистических компаний. Карьеристка до мозга костей.

Подозреваю, что меня она использует для каких-то своих меркантильных целей, но я осторожен, потому как замечаю иногда ее манипуляции.

Хорошо, что мы живем за тысячи километров друг от друга.

Возможно, это одна из причин, что мы еще не вместе. Я говорю, возможно, потому что сам ни в чем не уверен. Это единственная женщина за последние семь лет, которая вызывает у меня чувство уважения и доверия, но пускать ее ближе, чем она пробралась, я не собираюсь. Пока не собираюсь.

— Привет, — улыбается она, являя миру прекрасный прикус и отбеленные зубы.

Губы она подкачивает, но не перебарщивает. Макияж строгий, как и весь вид. Наверное, она не заслужила то отношение, что я демонстрирую ей. И она достойна лучшего, например, мужа, семьи и детей. Ей уже тридцать, она старше меня на два года, а, как известно, биологические часики тикают, и я понимаю ее нетерпение и нервные срывы во время наших встреч, но ничем не могу помочь. Я не готов связать себя узами брака. Или не хочу.

— Здравствуй. — Позволяю ей поцеловать себя в щеку и легко обнимаю за талию.

— Как дела? Как долетел? Как успехи фирмы? — Вопросы задавать она умеет. И я знаю, что это не риторические вопросы. Не сейчас, потом, когда я оттрахаю ее по полной, она вытащит из меня женскими хитрыми клещами часть ответов.

— Все как всегда, — отвечаю, улыбаясь.

Оказывается, я скучал. Мы не виделись два месяца, занимаясь делами своих фирм, и времени на общение совсем не оставалось.

И вот. Я вдруг понимаю, что скучал.

И что это значит? Наши отношения вышли на новый уровень?

Только не говорите мне, что это любовь. Я знаю, что такое любовь.

Когда твои легкие рвет от недостатка воздуха, когда ты готов крушить все, что видишь вокруг, когда от бессилия готов убить себя, чтобы не видеть, как твою любимую к алтарю ведет другой, а потом вдруг осознаешь всю бессмысленность своего существования и просто лежишь несколько дней, смотришь в потолок и медленно умираешь.

Я забыл ту историю из своей жизни. Захлопнул дверь и приказал себе не вспоминать о Ксюхе. А сегодня утром, когда покидал наш офис, вдруг почувствовал жуткое желание оглянуться. Нет, не на свою кипучую последние годы жизнь, а оглянуться назад, потому что мне вдруг почудилось, что я вижу ее, свое старое мальчишеское наваждение, из-за которого я когда-то очень давно чуть не потерял жизнь.

Разочарование.

Это то, что я испытал, когда заметил за спиной нашего администратора и его зеленый колючий кактус на стойке ресепшена.

Во время официальной части в большом зале с мягкими красными бархатными креслами мы, естественно, сидим с Леной рядом в пятом ряду, иногда, якобы случайно, касаясь друг друга.

На соседних креслах сидит парочка. В темноте зала черты лица мужчины видны нечетко, но кажутся мне знакомыми. Сплетенные руки и голодные взгляды мужчины и женщины говорят о многом.

Интересно, мы с Леной тоже выглядим такими же озабоченными?

В первый день конференции выступающих мало, за окном уже сумерки, и нас наконец приглашают на фуршет. Я глазами спрашиваю Лену: “Ну что, идем? Или как обычно?”

— Давай побудем немного? — тихо говорит она.

Сегодня Лена капризничает, игнорирует статическое напряжение в моих штанах, тактично прикрытое полой пиджака.

Проходим в фойе, где для нас уже накрыты столы. Я понимаю причину ее капризов: сегодня на форуме есть чем поживиться, и это не бутерброды с красной икрой и канапе из редкой рыбы.

На конференции присутствуют представители китайской компании, во взаимодействии с которой заинтересованы многие на этом форуме.

Согласен, это лакомый кусок, и даже я согласен потерпеть и понаблюдать, кто первым ринется на абордаж.

Я же никогда не спешу. Сначала присматриваюсь, но не слишком долго, ровно столько, чтобы разработать стратегию поведения. Ну и сначала нужно понять, а “надо ли оно нам?”

Черт! Если все же вдруг окажется, что “надо”, то придется нанимать переводчика через одного хорошего знакомого. Жаль, что старик не захотел ехать сам, стар стал, не любит собственные “перевозки”.

Обещал срочно найти нам вместо ушедшей в декрет переводчицы помощницу с языком.

От мыслей о языке и воспоминании, что умеет делать языком стоящая впереди брюнетка с высоким хвостом, Лену имею ввиду, у меня скоро начнется спермотоксикоз. Чувствую себя подростком в пубертате.

Да, я разборчив в связях и не пользуюсь услугами эскорта. Мне не нужен случайный секс, мне нужен постоянный партнер. И это пусть и редко, но она, Лена.

Глеб затаскивал меня несколько раз в приватный кабинет в ночном клубе, но такой трах мне не по нутру.

“Ты какой-то неправильный, вот из деревни ты выбрался, а деревня в тебе так и осталась. Твое чистоплюйство меня бесит, я себя рядом с тобой чувствую порочным и грязным. Сними уже белое пальто, стань как все! Фу, таким быть в наше время”.

Это так Глеб мне говорит. А я не хочу, чтобы в приватных зеркалах отражалась моя шрамированная задница. Впрочем, шрамы у меня не только на жопе, но и еще в нескольких местах.

Шрамы украшают мужчину? Тогда я супер красавчик.

После переглядок и непринужденной болтовни мы наконец оказываемся с Леной в отельном номере. Естественно, в моем.

— А ты в каком номере остановилась? — спрашиваю, скорее, из вежливости.

— В триста восьмом.

Ага, значит, этажом ниже. Странно, но сегодня во мне нет того предвкушения нашей близости, как раньше.

Неужели эти отношения все же обречены?

Идем по очереди в душ. Дамы вперед. Я всегда веду себя по-джентельменски.

Пока моюсь, Лена успевает высушить волосы и принять позу честной куртизанки. Это она так называет, когда полулежит, опершись на обе подушки и вытягивает вперед свои идеальные ступни с розовыми пяточками и с ногтиками с бесцветным лаком. Почти Клеопатра, только лучше.

Да, Лена следит за собой с маниакальной дотошностью.

Даже недоумеваю иногда, что она такого во мне нашла, чем я ее привлек?

Обычный мужик. Ну, высокий, с нормальной мышечной массой. Хожу в зал уже два года. Стригусь в одном из дорогих салонов северной столицы у мастера-стилиста.

Одежду мне подбирает наш менеджер по маркетингу Инга, рыжее недоразумение, внушившее себе, что влюблена в меня.

Я не экономлю на внешней картинке себя любимого, чтобы рейтинги нашего ЛогистикЭксГрупп держать на высоте. Все же я один из директоров компании.

Можно сказать, лицо.

Я выхожу с полотенцем на бедрах, подхожу к кровати. Отмечаю два фольгированных квадратика у подушки.

Так, значит? Ну-ну.

Я могу и лучше, но не сегодня. Длинный перелет и долгое сидение на конференции утомили. Плюс три рюмки коньяка со знакомыми руководителями фирм. За встречу. Без этого никак.

Если что, у меня еще есть в кармане пиджака такие квадратики. Со вкусом ванили, какие любит Лена.

За три дня форума, надеюсь, мы успеем насытиться друг другом и отвалиться, то есть, разбежаться каждый в свою сторону.

Склоняюсь над Леной и отвожу волосы от ее лица, целую в губы. Слышу как откликается мое тело на близость с ней. Дышу чаще.

Она игриво хихикает, тут же стаскивает с меня полотенце, откидывает в сторону и тянет меня на себя.

Подчиняюсь. Ложусь рядом. Кладу ладонь на острые пики ее маленькой груди. Мой член еще на "отдыхе".

Прикосновение к теплой бархатистой коже усиливает кровоток, и "Он" стремительно набирается кровью.

Моя эрекция запущена в очередной раз за сегодняшний вечер и готова вступить в игру.

Но я не спешу. Сплетаю наши ноги, ласкаю маленькую острую грудь и целую Лену с языком.

Чувствую ее отклик на мои прикосновения.

По моим мышцам прокатывается волнами возбуждение, но я не тороплюсь нырнуть в призывную нижнюю влажность. Успею.

Знаю, сначала меня ждет сочный минет. Лена любит мою сладко-соленую конфету.

— Почему ты не сделаешь косметическую операцию? — Гладит она шрам на ухе.

— Не хочу, пусть останется напоминанием, чтобы больше не повторять глупости.

— А что за глупости, ты мне когда-нибудь расскажешь?

— Когда-нибудь, может быть…

Она никогда не спрашивала, с чего ее вдруг сегодня потянуло на разговоры?

Во время секса?

Я вряд ли ей что-то расскажу.

Она легко целует шрам на левом плече.

Это еще одно напоминание.

— Мой викинг, — шепчет Лена и опускается ниже, целует грудь, проводит языком по соскам и приближается к пупку.

Я глажу ее спину, ненавязчиво толкая ниже.

Ну давай же! Не медли!

Или я сейчас взорвусь.

Я люблю минет в ее исполнении и жду эти две накачанные алые зефиринки на моем члене.

Лена не заставляет себя долго ждать, опускается к паху, ее губы смыкаются, захватывая головку в тесный влажный плен, и начинают сосать.

Я стону.

Как же хорошо!

Не тороплю, жду, когда пульсация достигнет максимума, и тогда начинаю двигаться навстречу ее умелому рту, касаясь чувствительной головкой глотки и внутренней стороны щек.

Неприличные вкусные звуки наполняют комнату.

— Уф-ф-ф! — успеваю выскочить вовремя.

Мельком замечаю шалые глаза Лены и ее жадный взгляд на мой “агрегат”.

Да, знаю, он не маленький. В первые наши трахи Лена не раз выказывала свое восхищение моей анатомией.

Беру презерватив, вскрываю зубами, и натягиваю на дымящийся член.

Кручу Лену, ставя ее в коленно-локтевую, и вхожу резко, на всю длину.

— Ах… Ах… Ах! — Каждый мой толчок сопровождается громким всхлипом.

Кончаю быстро.

Содрогаясь в оргазме, наклоняюсь и обхватываю Лену поперек туловища рукой, добираюсь до груди и сминаю ладонью.

Кусаю в плечо и ловлю еще один ее страстный “АХ!”

Толкаюсь еще несколько раз, ощущая, как мелко дрожит Лена.

Дожидаюсь, когда кровь наконец-то перестанет качать адреналин.

Опрокидываюсь на спину и утаскиваю Лену за собой.

Укладываемся бочком. Лежим. Слышу, как, засыпая, сопит Лена.

Член опадает. Вытаскиваю его из лона.

Я встаю осторожно, стараясь не разбудить Лену, и иду в ванную.

Снимаю резинку и выкидываю. Возвращаюсь в постель.

Второй презерватив, возможно, пригодится утром. А сейчас спать. Завтра второй день конференции.

Интересно, что он мне принесет?

Глава 7

А может, дать Лене, чего она хочет?

Руку и сердце!

Она тоже живой человек. А я получается просто использую ее. В принципе, она тоже меня использует. Но эти два года, что мы встречаемся, я чувствую себя живым. За это я ей благодарен и все такое.

Но нет.

Через себя не перелезу. Не смогу.

Засыпаю, перекинув руку через партнершу по бизнесу, а сегодня еще и по сексу.

Утром просыпаюсь уже один. Сбежала. Всегда сбегает. Боится, что увижу ее утреннюю, не в боевой готовности.

Понятно, что Лене нужно больше времени, чтобы привести себя в порядок.

Рядом с подушкой одиноко блестит второй презерватив. В теле приятная усталость. Все-таки снять сексуальное напряжение с женщиной не одно и тоже, чем передернуть кулаком.

Иду в душ, моюсь, привожу в порядок бороду. Подравниваю триммером выбивающиеся из общей картины волоски.

Вернусь домой, нужно будет посетить своего мастера.

Достаю специальный бальзам, смягчаю свою стильную растительность на лице.

Подарок маленькой рыжей бестии на день рождения.

“Ой, мне так нравится твоя борода, вот это не для тебя, для нее”. — Мило краснея, вручает она мне подарок.

Я читаю ее как раскрытую книгу. Совсем еще ребенок, а туда же.

Почему я отношусь к ней, словно старший брат?

Почему не могу переступить ту черту, что прочертил между нами?

Потому что она напоминает мне одну очень близкую мне женщину. Всего лишь напоминает. Не первую, но единственную, с которой я когда-то хотел построить крепкую семью, родить детей и завести живность. Кошку и собаку, например, но можно и хомячка с попугаем. То, что пожелали бы наши дети.

Но не получилось, увы, она выбрала не меня.

Спускаюсь к завтраку в ресторан при отеле. Все оплачено. Почти все столики заняты участниками конференции.

Лена поднимает руку, чтобы я ее заметил. Уже сидит за столиком, завтракает овсяную кашу и пьет чай с лимоном.

Она следит не только за фигурой, но и за своим здоровьем. Во время таких встреч и за моим, что чаще раздражает, чем умиляет.

Подхожу, сажусь напротив, оглядываю зал. Я здесь не первый раз, все по-прежнему, ничего не изменилось: те же светильники, картины Эпохи Возрождения, списки, естественно, но качественные. Блестящий почти белый кафель на полу. Столики под белыми скатертями. Официанты шмыгают между клиентами, там и тут вижу их белые форменные рубашки и коричневые галстучки.

— Доброе утро. Выспалась? — Киваю Лене и кладу руки на стол. Смотрю по сторонам,выглядывая ближайшего официанта. Мне не нужна папка с меню, я и так знаю, что закажу.

— Доброе. Выспалась, — бодренько отвечает Лена, проглатывая очередную ложку овсянки. — Прости, но я уже заказала тебе завтрак. — Смотрит почти виновато и отпивает чай.

— Спасибо, — беру в руки папку меню, — и что ты мне заказала?

Чувствую себя недовольным язвенником, которому запрещают жареное мясо. Лена только смеется, глядя на мою недовольную физиономию. А со стороны мы, наверное, смотримся, как давно притершиеся мужчина и женщина. Почти семья.

— Как обычно и яичницу с беконом.

Ну спасибо хоть яичницу.

Расторопный официант приносит мой завтрак. Ко всему еще кофе и каша, овсяная.

Ну как же без нее.

Начинаю с яичницы. Самое “вкусное” оставляю на потом.

Соседний столик освобождается, и его занимают другие посетители. Узнаю вчерашних наших соседей-голубков.

Что-то неуловимо знакомое мелькает в чертах мужчины. Он улыбается своей спутнице и берет через стол ее руку. Это выглядит так интимно и в то же время наигранно, и я понимаю, что это не муж и жена.

Кусок бекона застревает в горле, я закашливаюсь, торопливо отпиваю кофе, проглатываю. Ловлю на себе встревоженный взгляд Лены. Отмахиваюсь “все нормально”.

Я узнаю этого мужика. Немного расплылся в теле. Лентяй. Но черты лица те же. Нос, губы, глаза, брови. Чуть волнистые волосы прилипли ко лбу.

Жарко ему?

Я помню его рядом с моей Ксю в тот проклятый день. Его гребаные руки на ее талии, когда они выходили из кинотеатра.

А что он делает здесь с этой легкодоступной блондинкой?

Любовница или девочка на один день? Присматриваюсь к женщине.

Что в ней такого, что этот боров бросил дома жену и развлекается здесь с этой?

Злость и злорадство в одном флаконе, это невыносимая смесь!

Эту рожу я долго видел в своих самых страшных снах.

Давно.

Кажется, целую жизнь назад.

Или даже в другой жизни. В той, куда я закрыл дверь.

Там, за той дверью, остался мальчишка. Влюбленный и уязвимый. Считавший мир справедливым и приветливым.

Мысленно я сто раз переломал этому мужику кости, вырвал руки, что трогали мою любимую, натянул глаза на жопу, закопал живьем.

А вот сейчас сидим практически рядом за соседними столиками, я смотрю в это наглое рыло и жую овсяную кашу.

Я дышу, нормально дышу, только вижу, как пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки. Я держу себя в руках и разжимаю пальцы. Но зубы выдают. Я сжимаю их до хруста.

Я давно уже не тот пацан, у которого на лице можно прочесть эмоции, что бушуют внутри.

И женщин в моей постели побывало несчитано, но это было давно. Сейчас я другой.

Я точно знаю, что Ксюка вышла за него замуж, отвергнув мое предложение.

Никогда не забуду ее маму, назвавшую мне адрес кинозала, куда этот гондон повел мою любимую девушку на сеанс… Блядь.

Зачем я дал тогда слово, поклялся, что не приближусь к ним. А иначе Маргарита Ивановна не хотела мне говорить, где Ксю.

А я никому не верил, думал, что все вранье, и Ксюка мне тогда специально сказала, что выходит замуж за крутого перца, потому что приревновала.

Сука.

Прошло столько лет, но я до сих пор ношу за пазухой тот камень.

Я думал, что отпустило. И надеялся, что раз она выбрала его, значит, так угодно судьбе.

Несправедливо, но кто меня спрашивал?

И я отпустил ее.

Я внушил себе глупые мысли.

Пусть она будет счастлива, она имела право выбрать, с кем ей жить.

Захотела цивилизованной столичной жизни с этим уродом?

Побежала за толстым кошельком?

И теперь этот “кошелек” сидит за соседним столом и мацает блонду с накачанными губами и коровьими ресницами.

А Ксю?

Где она, что с ней?

Сидит в семейном особняке и нянчит его детей?

Управляет прислугой в богатом доме?

Топает в спа-салон или по дорогим бутикам?

Она же об этом мечтала?

Черт. Что ж так больно?

Да какое мне дело до нее?

За что боролась, на то и напоролась.

Смотрю на Лену. На ее лице недоумение.

И теперь мне не хочется смотреть на нее так, как я это делал раньше. Теперь ее косметические ухищрения для меня, как красная тряпка для быка.

Теперь все эти куклы с одинаковыми лицами разлучницы и хищницы.

Лена чувствует изменения моего настроения. За два года она уже как лакмусовая бумажка.

И сейчас. Реагирует мгновенно и кладет ладонь на мои пальцы. Она наклоняется ко мне и тихо спрашивает:

— Что происходит, Паша?

Смотрит на соседей.

Боров и блонда увлечены друг другом, не замечают нашего внимания. Им приносят завтрак.

Лена гладит мои пальцы, тепло ее ладони действует на меня успокаивающе. Сердце уже не стучит так сильно. Зубы не скрипят. Лена хмурится.

— Ты их знаешь? — почти шепчет.

— Нет, — отвечаю одними губами и улыбаюсь сквозь зубы. — Все нормально, Лен. Приятного нам аппетита.

Продолжаю есть. Но Лену не обманешь. Она ест, посматривая, то на меня, то на соседей. Задумывается.

У борова пиликает смартфон.

— Секунду. — Он оставляет в покое пальцы блонды и берет телефон.

Смотрит на экран. На лице недоумение.

Водит пальцем по стеклу.

Его лицо покрывается вмиг красными пятнами, девайс в руках подпрыгивает, но он сжимает его так, что, кажется, сейчас раздавит.

Блонда подается к нему.

— Алик, что случилось?

Он поднимает голову. Ноздри расширены, глаза налиты кровью. Он не говорит, плюет:

— Блядь, Элина, эта рептилия подала на развод.

Я так хотел забыть все, но постоянно что-то напоминает о тех событиях.

Вчера в фойе мне показалось, что я вижу Ксению. Даже оглянулся, когда на спине “загорелся” пиджак.

Но нет.

А теперь эти.

Случайное не бывает случайным!

Так, кажется, говорят?

Мне пофиг вся эта херня, но следующие два дня мне приходится играть в шпиона.

Везде, где находимся мы, находятся и они. Мы уже киваем друг другу, как старые знакомые, сталкиваясь в ресторане или на очередном семинаре. Но не сближаемся.

Меня все это бесит до чертиков, но ничего не могу с собой поделать.

Какие там китайцы? Не до того.

Но контактами все же обмениваемся. Все равно сейчас основная часть сделки проходит онлайн. Видимо, я внушаю доверие.

Не знаю, почему, но Лена помогает мне, поделившись нанятым переводчиком.

“Их интересует европейская территория, восток они уже и так захватили и поделили между собой”, — шутит она шепотом.

Я узнаю, что это сын самого Гусева. Генерального директора наших конкурентов из столицы. И зовут его не Алик, как сюсюкает эта блонда, а Олег Константинович.

Честно сказать, даже противно смотреть, как эта белобрысая тошнилка крутится вокруг него. Как будто это мне изменяют. Смешно.

Я сначала даже подумал, что это какая-то содержанка, столичная шкура, но усомнился, потому что по возрасту не ссыкуха, а вполне взрослая женщина.

А присмотревшись пристальнее, понимаю, что это не одноразовый вариант.

То, с каким обожанием она смотрит на этого Алика, выдает в ней не просто влюбленную дурочку, а женщину взрослую, реально страдающую.

Было заметно, как он позволяет себя ей любить. Как поджимает капризно губы, когда она ему предлагает свои услуги.

Глядя на них, я вдруг с горечью понимаю, что мы с Леной, наверное, тоже со стороны напоминаем такую же парочку.

За исключением, конечно, капризно изогнутых губ. Не замечал за собой такого.

Ведь я осознаю, что не люблю Лену, я просто провожу с ней время. Приятно провожу.

Мне просто хорошо с ней и удобно. Надеюсь, что ей тоже.

Я случайно подслушиваю очередной телефонный разговор.

Захожу в туалет чуть раньше этого товарища, который мне совсем не товарищ. Слышу, как хлопает дверь, потом раздается его нервный голос.

Алик не видит меня.

Не все так просто у него складывается с женой. Из разговора понимаю, что он не собирается ее отпускать.

— Ты представляешь, сколько мы потеряем, если она узнает о нашем договоре с Золотовским? — шипит он в трубку кому-то на том конце телефона. — Да мне легче киллера нанять. Нет, я не дам ей развод. Ни при каких обстоятельствах…

Он долго слушает собеседника. Голос из трубки не выбирает выражения, до меня иногда долетают маты.

Ксюка, куда ты влезла со своим желанием жить красиво?

Глава 8

Последний день форума проходит быстро. Фуршет в честь закрытия конференции, как обычно, в большом зале.

Все искрится и сверкает, столы ломятся от обильного угощения. Роскошь пылит в глаза, но я к ней равнодушен.

Из грязи в князи, это про меня.

Я помню свои корни, и не творю себе кумиров.

Я долго раздумывал о подслушанном разговоре, нужно ли мне вмешиваться в жизнь Ксю.

Взвешиваю все за и против. И все же.

Решаю твердо. Нет. Не имею права.

А если ее действительно убьют?

Смотрю на “Алика”.

Нет, этот не сможет.

Нет в нем того стержня, что позволяет сказать себе, что ты не тварь дрожащая, а право имеешь.

А Ксения должна сама распутывать свои узлы. Я не имею права лезть в ее жизнь. Мне когда-то дали от ворот поворот. А я гордый.

Мы с Леной все время рядом. И в номер уходим вместе.

В лифте мы не одни, и, когда двери открываются на этаже Лены, я легонько придерживаю ее за руку.

Это мое молчаливое приглашение “на чай”.

Она вскидывает голову, пристально смотрит мне в глаза.

Что она пытается там увидеть?

И остается.

Замечаю в глазах Лены печаль.

— Лен, ты чего такая грустная? — касаюсь ее руки. — Устала? Пойдем в номер?

— Нет, не устала, — машет она головой.

Но ее улыбка говорит о другом. И я понимаю о чем.

Ее глаза искрились радостью, когда она меня увидела в зале в начале форума.

Может, она надеялась, что наконец-то я решусь и позову ее замуж?

А я снова молчу. Пользуюсь ее телом и молчу.

— Паш, когда мы встретимся? — спрашивает она, когда мы оказываемся в номере.

Для нее задать этот вопрос, это отступление от принципов.

Я тоже не хочу, чтобы она унижалась передо мной.

Тогда она будет напоминать мне блондинку, что терлась рядом с мужем Ксении.

— Лен, не надо, — останавливаю я ее и, притянув к себе, целую.

Обнимаю и целую. Я не позволяю в этот раз делать мне минет.

Мы просто трахаемся. В какой-то момент я вхожу в азарт и закидываю ее стройные ноги на плечи и толкаюсь.

Вижу боль в ее глазах, но не останавливаюсь, пока не кончаю. Замечаю на ее лице разочарование.

Все-таки она чувствительная, и меня изучила за эти два года редких встреч.

Ложь. Все ложь?

— До свидания, Лен.

— Прощай, Паш.

— Почему прощай?

— Не знаю.

— Может еще передумаешь?

— Может, передумаю.

— Позвони.

— Да. Обязательно.

Мы засыпаем. Просыпаюсь снова один, но теперь знаю, что уже не встретимся.

Дотягиваюсь до мобильника, смотрю на время.

У Лены самолет уже в воздухе, а мой через два часа.

Собираюсь быстро.

Служба в армии давно приучила к быстрым сборам. История с горящей спичкой не выдумка, а моя реальность.

Когда-то реальность…

Сейчас мирная жизнь, но по ночам, во сне, я иногда бываю там, где я чуть не остался навечно.

Перелет в самолете я сплю. Спасибо в соседнем кресле мужик тоже отсыпается. Повезло.

В аэропорту меня встречает Глеб. Стоит на выходе из зала прилета и смотрит по сторонам.

Народ толпится, толкается. По громкой постоянно что-то объявляют. Пахнет горячим металлом.

Багаж задержали. Жду. Получаю свой чемодан.

Здороваемся. Идем на стоянку.

Колесики моего чемодана подпрыгивают и пищат на стыках плит.

Глеб задумчивый. Меня будто не замечает. Как-то странно он себя ведет. В машине тоже кислый, внимательно следит за дорогой. Неразговорчив, чем напрягает меня. Обычно любит попиздеть.

— Ладно, колись, что случилось? Вижу по твоей морде лица, что произошло что-то интересное.

— Нет, ничего. Все нормально. С чего ты взял?

А у самого по морде плывет улыбочка, мечтательная.

Партизан, блт.

— По твоей харе вижу, — хмыкаю.

— Приедем в офис, сам увидишь, — отмахивается.

— Что увидишь?

В ответ снова молчание. Подъезжаем к деловому центру, ставим машину на подземной стоянке.

Странно. Снова загадочная улыбка и молчание.

В лифте он не выдерживает и сообщает мне новость:

— Старик нашел нового помощника с языками.

И стоило так зависать по этому поводу?

— И что?

— И ничего, — вздыхает.

— В смысле? Ты еще не опробовал ее языки? —

— Прикинь? Неприступная скала.

— Кто-то посмел отказать такому мачо? Не верю.

Любим мы друг друга иногда стебануть.

— Сам не верил, а за три дня скала не сдалась.

— За три дня? — ржу, не сдерживаясь. — за целых три дня ты не смог уломать девку?

— Сам увидишь, поймешь.

— Глеб, не драматизируй.

Все интереснее и интереснее.
Заходим в фойе нашей компании. Идем к кабинету генерального.
Катенька, бессменная секретарша старика, сидит за монитором.
У стола ко мне спиной девушка.
Гладкие темные волосы. Соблазнительные бедра под строгой юбкой.
Узкая талия. Стройные ножки на шпильках.
Фигурка почти песочные часы.
Задний фасад ничего так. В моем вкусе.
Понимаю Глебку.
Дайте глянуть и на передний.
Девушка берет со стола поднос с двумя чашками чая.
У старика гости?
Поворачивается ко мне лицом.
И я забываю, как дышать.

Глава 9

Три дня живу как в тумане.

Спасибо Екатерине Сергеевне, той самой Катеньке, что постоянно находится рядом со мной и наговаривает инструкции, что и как нужно делать.

Я не ошиблась. Приветливая и отзывчивая женщина. К тому же толковая.

На душе тепло и уютно от общения с нею.

Она не намного от меня старше, всего-то пятнадцать лет, но я не играю в фамильярность. Называю, как положено: Екатерина Сергеевна.

Глеб Викторович все-таки увязывается и провожает меня в отдел кадров для заполнения документов.

Шагаем по коридору в нужный кабинет.

Дверь с табличкой “Отдел маркетинга” распахнута.

Мельком вижу огромную комнату и множество столов с мониторами. Людей практически не видно, но из-за одного выглядывает стог рыжего сена, и я даже не сомневаюсь, чья это голова. Непроизвольно притормаживаю.

Да, уверена, эта копна принадлежит той самой провожатой Пашки. Молодой и красивой. Очень похожей на меня в юности.

Чувствую, как недовольный червячок грызет меня изнутри.

Это что, проснулась ревность? Не поздновато ли?

Мне быстро подписывают трудовой договор, снимают ксерокопии с документов. Ставлю где нужно свои подписи.

Кадровичка что-то мило щебечет, заглядывая в глаза Глебу. Он в ответ шутит. Прям рубаха-парень.

Только я чувствую его фальшь и показуху.

И деликатно улыбаюсь в ответ на его скабрезные шуточки.

Мы возвращаемся в приемную.

— Значит, так, — заявляет Екатерина Сергеевна, — я надеюсь, что за пару дней ты освоишь все свои обязанности: кофе и то сё… А что касается переговоров со всякими иностранцами… Это не ко мне, к нему, — кивает он на стоящего за моей спиной младшего Хмельницкого.

— Как прикажете, — изображаю овечку. — А мое постоянное рабочее место покажете? — Поворачиваюсь к сыну Хмельницкого.

На его лице такое выражение, будто он хозяин вселенной.

Я понимаю, что владеть такой компанией, как ЛогистикЭксГрупп, это не хухры-мухры, но зазнаваться-то не стоит.

Я тоже не газетой попу подтираю, хотя, именно сейчас, наверное, газетой и подтираю. Я еще не нажала на заветную кнопку в телефоне. Не подала на развод. Но подам. Сегодня же или завтра утром.

Весь день в суете. Но я успокаиваюсь, верю, что спряталась в “домике”, и теперь меня не достанут пешки моего свекра и мужа. А вот когда из командировки вернется Беркутов… Вот об этом я не хочу даже думать.

Ну вернется и вернется. Будем работать, приносить его фирме доход.

В первый рабочий день возвращаюсь в квартиру к тетке.

Двоюродная сестра мамы, о которой благополучно забыла вся родня лет двадцать назад.

Все, кроме моей мамы. Они даже перезванивались и делились секретами. У них разница в возрасте всего пять лет.

Однажды мы даже приехали к ней в гости, когда отец уехал в командировку за границу.

Два дня назад я недолго решала, куда мне податься: в провинцию к дальним родственникам или к ней.

Учитывая, что Хмельницкий живет в Петербурге, второе сразу же перетянуло.

Взяв такси от московского вокзала, я быстро добираюсь на проспект, где живет тетя Валя.

— Привет, — она не выказывает никакого удивления, когда после моего длинного звонка открывает дверь своей квартиры на проспекте Просвещения.

В руках дудка, изо рта дым. В глазах меланхолия.

За десять лет, что мы не виделись, абсолютно ничего не изменилось.

Даже тапочки, сплетенные из атласной розовой ленты, мой подарок к ее дню рождения, по-прежнему висят над столом в кухне. Только потемнели от времени.

— Ну, рассказывай, — обняв и поцеловав, кивает она мне на вешалку и придвигает комнатные тапочки.

А сама проходит в глубину квартиры. Крупногабаритная трехкомнатная, досталась ей от третьего мужа.

— Здравствуйте, теть Валь, — улыбаюсь во все тридцать два. — Я ненадолго, если вы не против, поживу у вас, если против, пойду в гостиницу.

— Да уж смотрю, почти налегке. — Отмахивается от меня, как от назойливой мухи.

Это она намекает на мой небольшой дорожный чемодан на колесиках.

Пока охрана обыскивала кофейню, я примчалась в квартиру, швырнула в чемодан все, что попало под руку и рванула на вокзал.

До отправления поезда еще было два часа, так что я все успела.

До моей карточки Алик дотянуться не мог, денег, правда, уже оставалось не так много, но на первое время хватит.

И потом, я не собиралась отсиживаться в укромном уголке, доедая крохотные сбережения. Я собиралась устроиться на работу и не куда-нибудь, а к давнему другу отца. Его координаты я отыскала в папином блокноте-обереге. Как он его называл. Средних размеров записная книжка в кожаном переплете с ручкой внутри. Все нужные номера телефонов и адреса. Да, старомодно, но отец не очень доверял девайсам.

Вот теперь и мне пригодилось.

Несколько страниц уже заполнено моим почерком.

— Ты представляешь, как чувствовала, — останавливается тетя Валя на входе в кухню. — Старый квартирант съехал три дня назад, а новых я решила пока не запускать. Отдохнуть захотелось.

Она проходит в кухню и кричит:

— Руки мыть, дверь направо. Чемодан потом разберешь. Кофе или чай?

— Кофе.

Оставляю чемодан и иду мыть руки. Последующие несколько дней, а может и недель, я зависшу от этой непредсказуемой женщины. Нужно как-то уживаться и входить в доверие.

Сидим в кухне, пьем кофе. Смотрю на атласные серо-розовые тапочки. Плод моего рукоделия. Надо же, до сих пор сохранились, а я уже и не помню, как их плести.

— Теть Валь, можно я вам заплачу за проживание? — отпиваю мелкими глоточками ее знаменитый кофе с корицей и смотрю с надеждой.

— Да ты что, совсем что ли? — в ее глазах укоризна. — Я это просто так сказала, про квартирантов, констатация факта, а не всякие там намеки. Но если хочешь, можешь по хозяйству помочь и продукты пополам. Я так понимаю, ты надолго? Что случилось-то, хоть расскажешь?

— Расскажу.

Она кивает. И я рассказываю.

О своем нелепом замужестве. Первых неплохих совместных годах супружеской жизни. О проблемах с беременностью, вернее, невозможностью забеременеть. О появлении в жизни мужа других женщин.

Сейчас я уже могу говорить об этом спокойно, а год назад. А год назад муж, который, надеюсь скоро станет бывшим, собирался класть меня в дурку, якобы выводить из депрессии. И совсем недавно снова завел об этом разговор. А всего-то надо было просто разбежаться и не мучить друг друга. Я не скрывала, что не люблю его, он не скрывал своих любовниц. Он и до меня еще тот кобелина был, но первые годы нашей совместной жизни не гулял. Я это точно знаю.

А потом…

Словно с катушек съехал. Причем делал это демонстративно, стараясь сделать побольнее.

Картинки в соцсети его последней любовницы, где в кадр постоянно попадали то рука с часами и краем знакомого пиджака, то кожаный портфель с документами и брючина с дорогими туфлями, которые ему выбирала я, были последней каплей моего терпения.

Надоело.

Первый рабочий день начался внезапно, я даже не успела удивиться своему везению, а уже осваивала кофе-машину и строгала бутерброды для нужных посетителей генерального. Естественно под чутким руководством Катеньки.

Глеб ошивался постоянно где-то рядом. Давал советы, предлагал свою помощь и пытался флиртовать. Екатерина Сергеевна в какой-то момент даже шутливо на него гаркнула:

— Глеб Викторович, вас там работа ждет… Недоделанная. Не отвлекайте Ксению.

Он только засмеялся и усадил свою задницу на край моего стола.

Ну не гнать же сына генерального поганой метлой от себя?

К тому же мне не давало покоя ожидание Павла.

Я уже знала, что он занимает пост одного из помощников Хмельницкого. Находится в командировке.

Алтайский форум по логистике.

Кстати, тот самый, где сейчас находился мой неблаговерный с любовницей.

Как я не ожидала, но появление Павла в офисе оказалось неожиданным.

— Ксения Сергеевна, отнесешь? — кивает Катенька на поднос. У Виктора Стефановича на приеме клиент, и по связи поступила просьба на два кофе, черных без сахара. И нарезанный лимон.

Я беру угощение. Слышу шум за спиной и поворачиваюсь.

— Всем добрый день. — В дверях стоит он, Пашка.

Только Пашкой этого мужчину уже не назовешь.

В фойе я видела его со спины и боком. Мельком лицо, когда за кактус пряталась, а сейчас…

Сейчас он заслонил своей фигурой проход.

Замер.

Хищник.

Вижу, как его грудь набирается воздухом. А в глазах мелькает растерянность.

Лишь мгновение, но я успеваю поймать этот миг.

Павел тут же берет себя в руки, и лицо превращается в непроницаемую маску.

Не ожидал?

А я ждала.

А кто предупрежден, как говорится, тот вооружен.

Так и хочется, как в юности, показать ему язык, подбежать, обнять, разреветься, прижавшись, а сама еле слезы сдерживаю, чтобы не расплакаться. И смотрю в насупленное межбровье, чтобы не встречаться с серой сталью Пашкиных глаз.

Знаю, что не простит. Нельзя такое прощать.

Я бы не простила.

— Добрый день, Павел Иванович, с возвращением вас, — стараюсь произнести как можно мягче, добавляю в голос дружелюбность и заботу.

Но только голос предательски дрожит на последнем слове, а в груди разгорается пожар.

Поднос держу крепко, пальцы только слегка подергиваются.

В чашках кофе колыхается.

Непорядок.

Выдают мое волнение.

Натягиваю на лицо рабочую улыбку, чувствуя, что вот-вот случатся судороги от страха. Предательская влага в глазах уже на подходе.

Кто знает, как себя Паша поведет? А вдруг станет настаивать, чтобы меня из фирмы выкинули? А вдруг…

Я только сейчас понимаю, что выгляжу в его глазах предательницей, а предатели всегда что делают? Правильно, предают. А вдруг он решит, что я тут с какой-нибудь шпионской целью?

Наши фирмы же конкуренты!

О Боже! Что мне делать?

— Здравствуйте, Ксения Сергеевна… а вы… наш новый переводчик? — Его ровный голос для меня звучит, словно крик из прошлого.

Легкая хрипотца приводит меня в трепет.

Павел оглядывается на Глеба. Тот крутится за его спиной и довольно улыбается, но когда слышит, как Павел называет меня по имени и отчеству улыбаться перестает. “Что за нафиг”, читается на его лице.

Паша сощуривается.

— С тремя языками? — поясняет он с ухмылкой.

Осматривает меня оценивающим взглядом снизу вверх и обратно.

Словно раздевает.

Хмыкает. Сжимает ехидно губы.

Вижу, остался доволен.

Слышу шорох за спиной. Катенька дипломатично покашливает.

А я надеялась, что в первый момент Паша меня не узнает.

Я в себя деньги вкладывала, не жалела: татуаж бровей и реснички по последней моде в самом дорогом салоне столицы сделала, и губки подкачала, как муж просил.

И волосы выпрямила и в темный покрасила.

А еще ноги слегка удлинила, всего на пять сантиметров, и подумаешь, что кости на погоду иногда ноют, но для красоты и статусности же ничего не жалко, правда?

Зато выше стала… на пять сантиметров. А если сильно больно, то можно потерпеть или принять обезбол.

Предательская шпилька подворачивается, а я, покачнувшись, нахожу опору — опираюсь бедром о край стола.

Вздергиваю подбородок и отвечаю с вызовом:

— Ну, видимо, так и есть, если в вашей фирме больше нет таких сотрудников.

Я знаю себе цену и насмешек не потерплю. Подумаешь, у кого в молодости чего не случалось.

Но это не наш случай. Да. Тут же мысленно одергиваю себя.

— Теперь, видимо, есть, — закрывает и открывает он глаза и снова вдыхает носом. его ноздри раздуваются и трепещут. Желваки ходят ходуном.

Проходит к столу Екатерины Сергеевны и ставит кожаный портфель на край столешницы.

Кажется, наша встреча подзатянулась. В приемной сгущается напряжение. А обмен взглядами уже приводит Глеба и Катеньку в недоумение.

Они-то еще не в курсе, что мы с Пашей знакомы. Еще как знакомы.

Он поворачивается ко мне и многозначительно смотрит на чашки с кофе.

Чувствую, что мне пора удалиться подальше от этих наливающихся свинцом глаз. Немногословная пикировка, сопровождаемая перестрелкой взглядами, кажется, закончилась вничью. В этот раз.

— Позволите? — отталкиваюсь от опоры и походкой от бедра иду к двери генерального.

Сердце стучит как оглашенное где-то в горле, руки подрагивают, и огромным усилием воли я удерживаю поднос с кофе.

Не дождетесь, Павел Иванович, больше я вам свою слабость не покажу.

Я дважды поддалась чувствам, и что из этого вышло? Ничего хорошего.

Стальной холодный взгляд режет меня и убивает.

Неужели судьба дает мне еще один шанс? Третий.

Бог же любит троицу?

Глава 10

От неожиданности я, каюсь, немного растерялся.

Мысль “я б ей вдул” испарилась тут же, как только секретутка повернулась передом.

Ксю здесь? Откуда? Почему? Зачем?

Но это не мираж. Это точно она.

Да, изменилась. Внутренне еще не знаю, но, надеюсь, будет время, чтобы узнать.

А внешне, да, изменения на лицо: все как у всех современных бизнес вумен, секретуток, помощниц и всяких причастных к “новой красоте”. Такая же кукла, как Лена и иже с ними. На одно лицо.

И еще, мне кажется, что она выше стала. Ну может, это шпильки такие высокие?

Раньше мне Ксю до подбородка макушкой могла достать с трудом, а сейчас до уха дотянется.

Сердце тарахтит, словно сломанный конвейер на погрузочной платформе, но внешне стараюсь не выдать себя.

Только пальцы сдавили кожаную ручку портфеля, если оторвать только вместе.

Перед глазами мелькают картинки алтайской конференции. Случайные пересечения с ее мужем, его любовницей.

Подала на развод, говорите?

А на развод ли?

А не развод ли это нас, и не предвидится ли впереди какой-нибудь многомиллиардный крупный тендер на перевозки от государства и поэтому наша краля здесь?

Так сказать, засланец, в стане врага?

Как там пишут умные люди: Держи друга близко, а врага еще ближе?

Смотрю на Ксению и внутренне восхищаюсь.

А как держится? Позавидовать можно выдержке.

Нет. Все-таки изменилась: еще стервее стала.

А как подбородок задрала?

А глазки заблестели.

Знаю я этот блеск. После такого блеска моя майка всегда грязная становилась. Из-за Ксюхиных накрашенных ресниц. И мама всегда ругалась, потому что отстирывать белые футболки с трудом можно было.

А если учесть, что жили мы небогато, то маму было жаль.

Только не нужно было мне сейчас вспоминать маму. Не сейчас.

Принципиально называю Ксению Сергеевну по имени отчеству и одариваю презрительным взглядом.

А что она хотела?

Только появилась, и я тут такой: Ксюша я весь ваш?

Хрен тебе королева грузоперевозок.

Слышу за спиной шуршание. Глебушка волнуется.

Еще бы, он же мне имя новоприставленной, тьфу-ты, откуда эта гадость в голову лезет, новоприбывшей не называл.

Откуда же мне было знать, что тут такое произойдет?

Напряжение в приемной нарастает. Вижу удивленное лицо нашей Катеньки.

Конечно, понимаю, она теряется в догадках, почему мы с Ксю так себя ведем.

Думаю, ближайшее время мы проведем весело и с пользой.

Чувствую зуд в мошонке. Это что, мои сперматазоиды почуяли самку, которую нужно срочно оплодотворить?

Ну нет, ребята! Попытки уже были… Когда-то… Хватит.

Эх, а ведь у нас уже могли бы быть дети: девочки и мальчики.

Я злюсь на себя за эти мысли. и в груди со дна поднимается старый комок с обидами.

Паша, тебя когда-то просто кинули. Ты же жопу вытирал газетой и туалет в твоем доме находился в ста метрах от железнодорожного барака, где ютились семьи железнодорожников. Это потом отец дом в поселке купил, с ванной и унитазом, не золотым, правда, обычным. белым. А тогда.

А тогда я был нищеброд и долбоеб.

Так, аудиенция закончена. Пусть чешет к старику, кофе несет.

Уверенно иду от двери к столу. Я здесь один из главных. Ставлю портфель с документами. Многозначительно смотрю на чашки с кофе.

Ксю понимает меня с полуслова.

Задирает голову еще выше и подиумной походкой шагает в кабинет к старику.

То-то же.

Как только за ее спиной закрывается дверь в кабинет генерального, ко мне подступает Глеб.

— Паша, что это было? Ты ее знаешь?

Глава 11

"Более чем".

Это я мысленно отвечаю на его вопрос, а вслух, естественно, отвечаю другое:

— Да. Пересекались. Это же, кажется, Гусева? Жена нашего конкурента из столицы. Фирма такая же по объему грузоперевозок, как и наша, но у них больше возможностей. Ее свекр — крутая шишка, он долго в министерстве железнодорожного транспорта занимал высокий пост, но до министра немного не дотянул. Более удачливые спихнули с тропинки. Но полезные связи все же остались.

Это я уже после того, как увидел Ксюхиного мужа на форуме, поинтересовался веселым семейством и поискал информацию в доступных источниках.

А семейство, реально, веселое. И не все там в ажуре с акциями. Это уже мне знакомый адвокат шепнул.

Не завидую Ксюхе. В осиное гнездо полезла, дура, с куриными мозгами.

Куда только Сергей Николаевич смотрел, когда дочь замуж отдавал?

— Да-а? А я чего-то не допетрал как-то, не связал одно с другим, а фамилию услышал, думал просто однофамильцы.

— Ну теперь свяжешь, — киваю Катеньке и на дверь указываю. — Там надолго?

— Кузьмин из дочерней, — пожимает плечами помощница Хмельницкого и показывает ладошку.

Ясно, минут на пятьдесят. Это у нас с ней беседа такая, шифровками.

— Как вы съездили? — интересуется Екатерина Сергеевна. — В том же отеле остановились или в другом месте?

Это не праздный интерес. Оформление документов обычно на ней, но в эту поездку я отправился по собственной инициативе. Лена позвонила, обещала интересные встречи. Не обманула. С китайцами мы все-таки познакомились.

По времени Ксюха должна уже вот-вот выйти из кабинета старика. Оказывается, я мысленно представлял, как она входит, улыбается, шагает в зону отдыха, наклоняется, ставит на столик поднос с кофе, составляет чашки с подноса, снова улыбается, желает приятного, разворачивается, естественно, эффектно разворачивается, что она это умеет, я уже увидел собственными глазами, и так же модельно двигается на выход.

Честно сказать, нет желания испытывать судьбу на прочность. Нужно подумать о сложившейся ситуации и желательно наедине с самим собой. Сердечко еще тарахтит, не желает успокаиваться. Столько лет прошло, а помню эту стерву. Ну ничего, теперь она рядом будет, потом решу, что с этим делать.

Прихватываю портфель и топаю к выходу, изображая занятость.

— Пойду-ка я к себе. Как Виктор Стефанович освободится, сообщите, пожалуйста? — Киваю бессменной помощнице Хмельницкого.

— Хорошо, — ответно кивает Екатерина Сергеевна.

— Ты идешь? — смотрю на Глеба.

Он почесывает затылок и посматривает на дверь. Даже не скрывает во взгляде неприкрытый интерес.

Да ну нах… Глеб, и ты туда же? Не-е-ет, брат, я тебя этой стерве на съедение не отдам. Сам в пасть полезу.

А на душе такой комок и неприятный холодок в груди.

Что? Беркутов? Опять полезешь в эту бодягу по имени Ксения? Даже не думай!

Глава 12

Спасительная дверь мягко захлопывается за моей спиной.

У-ф-ф!

Выдыхаю.

Первая за столько лет встреча состоялась, и, слава богу, что при свидетелях. Я даже представить себе не могу, как бы мог себя повести в отношении меня Пашка, если бы мы встретились с ним где-нибудь наедине в коридоре или, не дай бог, в кабинете.

Кстати, о кабинете. Нам же придется с ним сидеть практически рядом.

Глеб несколько раз уже намекал, что моя стажировка, кажется, уже состоялась: кофе я варить умею, с документами обращаюсь аккуратно, улыбаюсь мило, всем клиентам нравится, а значит и им такая помощница подойдет.

Поэтому пора приступать к настоящей работе, а не бегать на подхвате у Катеньки.

— А скажите, Ксения, что вы будете делать сегодня вечером? — сегодня утром задает он мне вопрос на английском языке.

Знаю, что специально провоцирует. Любитель поболтать. Английский у него весьма неплох. Причем, уже знаю, что Глеб не учился ни в каких заграничных элитных учебных заведениях. Закончил питерскую железнодорожную академию. Факультет логистики. Пашка, помню, тоже учился в железнодорожном институте, только в другом.

— Сегодня моя очередь идти в маркет за гречкой и курицей, моя тетка очень строгая женщина, и я не хочу ее расстраивать. Вы хотите составить мне компанию? Тогда я позволю себе оптовую закупку продуктов, мужская помощь мне пригодится. — Пытаюсь я отшутиться и, кажется, не очень удачно.

Это получается из оперы про деревню из девушки забыли вынуть. Да. Но я как-то и не ставлю себе цель ему понравиться. Скорее, наоборот. Мне не нужны отношения. Ни сейчас, ни потом. И держать дистанцию я умею.

— А вы меня не пугайте, я не с золотой ложкой во рту родился и умею выбирать курицу. Если что, обращайтесь, — не сдается младший Хмельницкий, но уже на русском.

Екатерина Сергеевна хмыкает и удивленно на нас смотрит, но молчит. Я парирую уже пожестче, но стараюсь быть вежливой.

— Спасибо, Глеб Викторович, я пошутила, у меня есть планы на вечер, но я держу их в секрете.

На лице Глеба неприкрытое разочарование.

— Вот так всегда, только встретишь порядочную девушку, настроишься на серьезные отношения, а у нее уже планы. — Вздыхает он. — Ладно, поехал я в аэропорт за еще одним кандидатом в депутаты. Не скучайте тут без меня.

Младший Хмельницкий шутливо грозит нам пальцем и покидает приемную.

Екатерина Сергеевна только посмеивается, глядя на бесполезные подкаты Глеба, но я понимаю, что это только начало. Будут и посерьезнее, например, когда случится какой-нибудь корпоратив или юбилей. Знаю, проходила.

Я с замиранием сердца жду появления Павла. И дожидаюсь.

А теперь скрываюсь в кабинете главного босса.

Спасибо Екатерине Сергеевне, что позволила мне отнести кофе своему начальнику. Будто почувствовала, что мне это необходимо.

На следующее утро после того, как меня приняли на работу в компанию, я подала на развод. Признаюсь, сделать это было нелегко. Все что я сделала до этого, побег в другой город, устройство на работу в конкурирующую фирму, случилось импульсивно. Да, я увидела те фото на страничке в соцсети у любовницы моего мужа и поняла, что больше не могу так жить. Волна

негодования и ненависти к неверному мужу помогла мне собрать вещи и уехать из ставшего вдруг чужим нашего дома. А потом эта волна утихла и я начала успокаиваться, или нет, скорее, на меня нашло какое-то ледяное равнодушие. Мне вдруг стало наплевать на Алика и нашу совместную жизнь, и я поняла, что нужно что-то менять, что-то делать, иначе мы так и будем с ним мучить друг друга.

Да. Я нашла в себе силы уехать, а вот подать на развод. Я сидела ранним утром и смотрела на экран телефона. Красно-синий шестиугольник с такими же буквами “госуслуги” пугал и магнитил.

“Нужно… Нужно… Ты ступила на тропу войны, значит иди до конца”, — уговаривала я себя.

Я подала заявление на развод. Телефон прыгал в дрожащих пальцах, но я справилась с нервами и нажала на кнопку. А потом долго сидела тупо вылупившись на экран и зажимала рот кулаком.

Я не стала ждать, когда позвонит Алик. Я сразу добавила его номер в черный список.

Да, знаю, это бесполезно, он позвонит мне с другого номера, и мне рано или поздно придется с ним разговаривать. Но пусть лучше поздно, чем рано. Трусиха.

А еще нужно найти хорошего адвоката, который согласится вести наше дело.

Я не собиралась оставлять Алику то, что по закону принадлежит мне. Я слышала краем уха, что папа обещал в завещании оставить все моему мужу, но неужели он настолько не любил меня, чтобы полностью со всеми потрохами отдать в чужую семью без каких-либо подстраховок. Не верю. Никогда не считала своего отца глупым и недальновидным. Иначе бы он не стал тем, кем стал.

Пока был жив отец, наши отношения с Аликом были другие. Он был более отзывчивым и заботливым, а вот после гибели сорвался во все тяжкие. Даже попадал со своими похождениями в желтую прессу.

Хватит о плохом. Иди, Ксю, и выполняй работу.

На автомате несу кофе в зону отдыха, где на знакомом кожаном диване сидит Виктор Стефанович и его гость. Свободно развалились, спокойно ведут беседу, будто старые друзья. Вот такой он Хмельницкий с близкими доверенными людьми. Простой в общении, никакой субординации. Смотрят на меня с отеческими улыбками.

Ставлю на столик поднос с кофе. Отрепетированно улыбаюсь и составляю чашки на стол. Становлюсь рядом со столиком и, прижав поднос к животу, жду указаний от главного босса.

— Спасибо Ксения Сергеевна, — машет рукой Хмельницкий.

— Благодарю, — его гость тянет руку к чашке кофе и подтягивает к себе, посматривая, то на меня, то на кофе. Втягивает воздух и закрывает глаза. Открыв, начинает нахваливать ароматный напиток.

— Вкусный кофе готовят твои помощницы, хоть бы одной поделился, старый пень, — говорит вдруг гость.

— Дак, — неловко покашливает Хмельницкий в кулак и посмеивается, — сам не ожидал, а Ксения не моя, если что, это я для парней переводчицу нанял.

— А, вон оно что, а языки какие? — В глазах гостя появляется интерес.

Хмельницкий кивает мне, предлагая самой обозначить свои филологические познания. Товар лицом, так сказать.

— Английский, — гость кивает без особого энтузиазма.

Ну понятно, что английский не в дефиците.

— Китайский и арабский.

Решила не тянуть кота за интим.

Вот тут в глазах появляется интерес.

— О, ты куда решил крючочки закинуть, хитрый какой, — восклицает гость и машет заинтересованно головой.

— Ну а ты как думал, готовь сани летом, — усмехается довольный Хмельницкий. — Я тебя почему сегодня и вызвал, есть тут у меня мыслишка одна.

Понимаю, что разговор у них принимает несколько конфиденциальный характер, и делаю шаг назад.

— Я могу идти? Может еще что-то нужно? — обращаюсь к Хмельницкому.

— Нет, спасибо, можете быть свободны.

Выхожу в приемную. Ожидаю новую встречу с Беркутовым. Чувствую, как только что успокоившееся сердце снова начинает отстукивать стаккато.

Тяжело вздыхаю и опираюсь о дверь. С трудом сглатываю.

Паши нет в приемной. Ушел.

Глава 13

В этот момент я даже благодарен Глебушке, что он остался в приемной отца.

Мне плевать на самом деле, что он увивается за Ксю.

Мне плевать на самом деле, что он увивается за Ксю?

Ты серьезно, Пахан?

Ну-ну. Только не ври сам себе. Не поможет.

Пока я иду по коридору к нашему кабинету, в моей голове ругаются два мужика. Один доказывает, что люди не меняются, и эта стерва здесь не просто так появилась, а с какой-то целью, и нужно за ней обязательно пустить хвоста для наблюдения.

Попросить начальника охраны, (Михалыч, вот такой чел!) приставить к ней кого-нибудь?

Или все же лучше самому проследить за ее действиями?

Одни вопросы, а где взять ответы?

Давно я не находился в таком смятении. Очень давно.

По правде, я уже привык все делать сам.

Если хочешь, чтобы все было сделано качественно, сделай это сам!

Всем известная истина, и я ее придерживаюсь.

А вот другой мужик в моей башке оправдывает Ксюшу и даже жалеет.

А вдруг развод не подстава, и ее благоверный действительно не собирается отпускать свою жену, то есть Ксюху на свободу?

Что он там говорил?

Что ни за что не отпустит жену и даже наймет киллера?

А нет, не так, что он не отпустит ее и что ему легче киллера нанять, чем дать ей свободу, а еще что-то про договор с Золотовским. То есть с Сергеем Николаевичем, отцом Ксю. Интересно, что там за договор. Золотовский был не бедным, весьма не бедным.

Тогда Ксюха в опасности, и, тем более, к ней нужно кого-то приставлять, а лучше самому… Снова самому… Куда ни плюнь, а придется ее брать под свое крыло.

Ну не тащить же ее к себе в дом, чтобы она всегда была на глазах?

А почему бы и не да?

Внутренний первый “я” сопротивляется. Кричит в уши: “Ты совсем дурак, Паша, нах.. тебе этот геморой? Ты же считал, что уже вылечился?”

Да, я знаю, что вылечился. Сказать, что я по-прежнему люблю эту тварь? Нет, не люблю.

Во мне, скорее всего, поднимает голову раненое самолюбие.

Если тот, прежний Пашка, уже побежал бы за цветами и смотрел в ее глаза заискивающе и мотылял хвостиком, в ожидании подачки, то сегодняшний, скорее, распялит на своем рабочем столе, как последнюю шлюху, и покажет, кто теперь хозяин положения.

Второй мужик в башке наседает. Душит. Не дает глотнуть воздуха. Давит на грудную клетку так, что я начинаю звереть на самого себя.

Что за нах…?

Капец, раздвоение личности, какая-то шиза.

Но к психологу я больше не пойду. Никогда и ни за что. Хватило одного раза. Тогда, давно, в военном госпитале. В другой жизни.

Все эти мерзкие вопросы, которые лезут внутрь тебя, грызут, жрут поедом, не давая никакой возможности спрятаться от самого себя. И вытаскивают на поверхность все, что ты с таким трудом запихнул на самое дно. С таким трудом запихнул… Но… Тебе становится реально легче жить с этим грузом. Ты будто отпускаешь все, как воздушный шарик, наполненный гелем.

И вот снова она появилась в фарватере. Проблема.

Проблема по имени Ксения Сергеевна.

Пока дохожу до своего кабинета, в голове проносится куча мыслей и ни одной про работу. Все про эту стервь, что когда-то растоптала и унизила, а теперь приперлась в мою жизнь снова.

Ломай, Паша, голову, зачем появилась и в качестве кого?

Хорошо, что у нас кабинет с Глебом один на двоих. Мы не будем находиться наедине.

Глава 14

Отдышаться не успеваю. Сердце уходит в новый забег. Тарахтит и выбивает чечетку.

Глеб Викторович тут же начинает новый накат с применением запрещенных приемов. Он забирает из моих рук поднос и отдает Екатерине Сергеевне.

— Катенька! — сопровождает свои действия восклицанием.

А сам берет меня под руку и тащит к креслу, успевая погладить плечо и подержаться за талию. Ну что за человек?

Не хочу чувствовать его руки на себе, но как сказать?

Я не сопротивляюсь. Нет сил. А Глеб крутится вокруг меня, словно кот у миски со свежим кормом.

— Ксения Сергеевна, да на вас лица нет, что они там с вами делали, эти старичелы? — Усаживает Глеб меня и сам садится на соседний стул. — Мы на них в суд подадим, — добавляет и шутливо грозит пальцем на дверь генерального. — Вы будто привидение увидели, что случилось?

Какой заботливый!

— Ничего не случилось, — вяло отбиваюсь, а сама посматриваю на выход.

А вдруг сейчас Пашка вернется? Как тогда себя вести?

Первый раунд я выдержала, и, кажется, неплохо. Ну, чисто внешне. А как дальше жить?

Может, я зря все это затеяла, и стоило послушаться папиного поверенного? Жить и не тужить, тратить деньги… А душа, кому она нужна?

Глеб демонстративно смотрит на часы. Переводит взгляд на меня.

— Время обеда вот-вот. А вы сегодня завтракали?

Я ж говорю, заботливый!

— Спасибо, я никогда не завтракаю, только кофе пью по утрам, — продолжаю слабо отбиваться, обхватив ладонями колени.

Замечаю, как улыбается Екатерина Сергеевна.

Только этого мне не хватало. Я еще практически замужняя женщина. Не нужны мне эти ухаживания. Хоть, соглашусь, Глеб видный молодой мужчина, и ни в чем не уступает Пашке. Но он не Пашка.

Но Глеб, видимо, думает иначе.

Ну он же не знает, чья я еще есть жена.

— Так, Ксения Сергеевна, пойдемте уже в наш кабинет, а потом на обед, тут осталось десять минут, они погоды не сделают, — торопится Глеб. — Екатерина Сергеевна, ну вы если что… — кивает он на кабинет Хмельницкого и округляет глаза.

— Да идите уже, — морщится, словно от зубной боли помощница. — Прикрою, а если нужно, то позову, позвоню. — Екатерина Сергеевна садится за стол и глядя то в листок, то на монитор, начинает что-то печатать, всем своим видом показывая, что ей до нас нет дела. Она углубляется в свою работу, не обращая на нас внимания. Глеб смелеет.

— Ну что, идем?

— Идем.

Мне ничего не остается, как согласиться и подчиниться.

Хорошо, что у нас кабинет с Глебом один на двоих.

Я не буду находиться наедине с новым помощником.

С Ксенией Сергеевной Гусевой.

“Золотовской”. — Не соглашается внутренний голос с мужниной фамилией Ксюхи.

Я не боюсь остаться с ней наедине. Ни в коем случае. Но и постоянно испытывать дискомфорт рядом с ней? Увольте.

По размеру наш кабинет почти такой же, как у главного. И окно панорамное с ролл-шторой и полки со всякой хренью: фотографии, дипломы, вымпелы.

Часть наград. Это результаты нашего кропотливого труда с Глебом за последние лет пять. Остальное в кабинете генерального. Старика, как мы все его с любовью называем.

Все, что у меня сейчас есть, это его добрая заслуга, ну и моя, конечно, но все же я ему благодарен. Если бы не его помощь, я бы вряд ли тогда поднялся. Не то чтобы не поднялся, не выкарабкался из той ямы, в которую чуть не свалился и не утонул в жизненной бодяге.

Швыряю портфель на кресло. Телефон кладу на свой рабочий стол.

Сам подхожу к панорамному окну и смотрю на промышленную зону. С высоты птичьего полета все смотрится мелким и невзрачным. Таким же как мое прошлое.

Тогда почему так больно в груди только от того, что пришлось чуть приоткрыть дверь в него? Я дал когда-то себе слово больше не вспоминать и не думать, а сам снова начинаю ковырять ржавым гвоздем по старой ране.

А по старой ли? А зажила ли она, эта рана?

Мимо пролетает альбатрос. Их тут много, с Финки вглубь города и обратно. Маршрут проложили. Протоптали. Как Ксю когда-то по моей судьбе. Прошлась танком.

Может, я зря ломаю голову и все как-то само рассосется?

Но то, что Ксю будет рядом постоянно, и мне с ней придется работать, не могу не признаться себе, нервирует.

Отворачиваюсь от окна, иду к столу и сажусь.

Нужно немного поработать мозгом. Взять себя в руки и думать о новом договоре с китайцами.

Кстати, Ксения тут именно по этому поводу.

Черт! Опять Ксения. Все мысли снова крутятся вокруг нее.

Нужно будет куда-то пригласить ее и поговорить. В ресторан или кофейню какую-нибудь. Через пару дней в самый раз. Как раз все утрясется, поутихнет. Не разговаривать же в нашем кабинете, где даже стены имеют уши?

Но поговорить приходится немного раньше.

Слышу голоса в нашей с Глебом приемной.

Вернулись.

Глебка заходит в кабинет. Подходит к своему столу, выдвигает верхний ящик.

— А, блин, нафиг она мне нужна, зарапортовался, — бухтит он себе под нос.

— Ты чего? — я расселся в кресле, создаю спокойствие, излучаю равнодушие.

— Да хочу вниз спуститься, пообедать, ты как, к нам присоединиться не желаешь?

— К нам? — переспрашиваю и приподнимаю бровь.

Демонстративно смотрю на наручные часы.

До начала обеденного перерыва еще семь минут. В нашем офисе приветствуется пунктуальность.

— Ну мы с Ксенией Сергеевной решили немного раньше спуститься в наше кафе и пообедать. Ты против?

Кривлюсь, словно у меня зубы болят. Но не хочется сразу выглядеть букой и я сдаюсь.

— Да по идее уже можно и пообедать сходить. — Поднимаюсь с кресла и потягиваюсь. Не выспался. Нужно будет сегодня пораньше лечь. Жаль пропускать зал, но, видимо, придется.

— Ну тогда потопали, полопаем, а потом за работу, — соглашаюсь. Глеб подхватывается.

— Давай, я сейчас только в туалет быстро сгоняю и пойдем.

Он выходит из кабинета, оставляя открытой дверь.

Иду на выход, захватив телефон. За обед заплачу через онлайн-банк. Давно карточками не пользуюсь.

Слышу шорох за дверью и стук каблуков. Даже не сомневаюсь, кого я сейчас увижу второй раз за день.

— Ну привет, Ксюша, — кажется, не сказал, прорычал.

Глава 15

— Здравствуй, Павел, — чувствую, как дрожит голос и подгибаются колени. Трясущимися пальцами я прижимаю к груди сумочку и смотрю в глаза цвета холодной стали.

Меня не предупредили, что уйдут в такой важный момент, и я останусь наедине со своим прошлым.

Но даже не успеваю сказать что-то еще, как оказываюсь пришпиленной к стене, как бабочка к стенду в Зоологическом музее.

Меня тут же прошибает током, я вздрагиваю всем телом. Павел дергается, но остается на месте. Только зрачки в глазах становятся неестественно большими, будто он принял запрещенное лекарство.

Крепкая Пашкина рука держит меня за шею, придавив к простенку между входной и директорской дверью. Вдохнуть-то я успела, а вот выдохнуть никак. Сбоку притулился секретарский стол, невольный свидетель некрасивой сцены, мое теперешнее рабочее место.

Надолго ли?

— Ну что Ксюша, расскажешь мне в приватной беседе, зачем ты явилась сюда?

Его стальные глаза сверкают ненавистью и яростью, отчего становятся с каждым словом темнее и темнее. Изо рта при каждой реплике появляется розовый язык и словно хлестает сам себя по мужественным и одновременно чувственным губам и мелькающим ровным зубам. А заодно и меня по кровавым душевным ранам, начавшим кровоточить в тот же миг.

Весь Павел превратился в хищника, готового порвать свою жертву.

— Все не так… Как ты думаешь… — хриплю, выпускаю по капле воздух, пытаюсь сказать, но получается с трудом. Ноги наливаются усталостью и становятся ватными.

Я знаю какими сильными могут быть Пашкины руки. Еще в школе он был самым крепким и спортивным парнем, самый высокий результат по подтягиванию на турнике — его.

Никто не удивился, что Беркутов легко сдал все нормативы на золотой значок ГТО в выпускном классе и поступил на бюджет по первой волне в железнодорожную академию.

Все девчонки пубертатного периода исподтишка глазели на него, а кто был посмелее стрелял глазками и даже пытался флиртовать. У него же это вызывало лишь легкую улыбку. А после уроков провожать он ходил всегда меня.

Поэтому я даже не пытаюсь вырываться, но побороться стоит.

Я никогда не сдаюсь на волю победителя.

Собрав всю свою силу в районе бедер, я напрягаюсь и резко приподнимаю колено. Цель одна — попасть по жизненно важным репродуктивным органам Беркутова. И у меня почти получается.

Но почти, к сожалению, не считается.

Беркутов ловко уходит от моего удара вбок и, ухмыльнувшись, язвительно заявляет:

— Золотовская, старые приемчики не работают.

И прижимается, сволочь, ко мне бедрами и животом так, что не могу пошевелиться. Но хватку все же ослабляет.

— Так зачем ты здесь? — Плюет он мне в лицо. — Только не рассказывай, что ты разводишься с мужем, и он оставил тебя без денег, и ты теперь, бедная сиротка, вынуждена зарабатывать на жизнь неблагодарным трудом секретутки. — Играет голосом и театрально закатывает глаза, демонстрируя свое фальшивое “как мне жаль”.

Хватка на горле снова становится крепче.

Ноздри Беркутова раздуваются, дышат толчками. Он так сильно прижимается ко мне телом, что я, кажется, слышу его сердечные удары, словно это стучат колеса поезда на перегоне.

Мои тарахтят в унисон. И запах. Его мужской запах с тонкими нотками незнакомого парфюма берут мое обоняние в плен.

Сволочь, какой же он сволочь!

В меня упирается твердый взгляд. И, кажется, не только взгляд. Чувствую, как кровь приливает к лицу. Предательское тело реагирует на мужское тело. Но это от длительного целибата. Знаю.

Киваю, опуская взгляд на его руку, пришпилившую меня к художественной штукатурке, моля отпустить горло. Снова хриплю.

— Все не так… Отпусти.

— А как?

Он сводит брови. Лицо покрывается пятнами. Сомкнутые губы белеют от напряжения.

В коридоре слышатся шаги и веселое мурлыканье. Я даже узнаю мелодию популярной песни. Глеб жалуется маме, что сходит с ума словами из весьма известного шлягера, но уже старого.

Беркутов тяжело вздыхает. Отпускает меня. Даже грубовато придерживает за талию, чтобы не упала. Если бы не его руки, точно свалилась кулем прямо ему под ноги.

Такой заботливый, гад!

Беркутов отходит от меня, зажмуривается и сжимает пальцами переносицу.

Желваки ходят ходуном, ноздри гоняют воздух на “вдох-выдох”.

Знакомая фигура.

Павел пытается успокоить дыхание. Я тоже.

Встряхивает головой, будто огромный пес, вышедший на берег из воды.

А я бегу за свой рабочий стол и сажусь на стул, отгораживаюсь от обоих спасительной столешницей и монитором компьютера.

Делаю пару раз вдох-выдох. Та же фигура для успокоения.

В дверях появляется Глеб. Руки сжаты перед грудью в кулаки. На лице улыбка. Не глупая, нет, нормальная улыбка уверенного в прекрасном будущем человека.

— Ну чего вы, есть идем? Уже можно? — обращается он к Павлу и стукает указательным пальцем по циферблату наручных часов. — Не, если не хотите спускаться вниз, можно и сюда заказать, ну?

— Идем, — отвечаем мы с Павлом одновременно.

Нам не нужны свидетели разборок. Успеем поговорить.

Глава 16

Кафешка для офисных работников делится на две зоны. Для руководителей и мелких клерков. Для меня это не является чем-то вызывающим. Так почти во всех деловых центрах. Ну кроме, если где-то есть любители поиграть в демократию и равенство, но это лишь показное.

В таких случаях руководство редко появляется в общей столовой, предпочитая посещать более статусные едальни и прикрываясь особой загруженностью.

Папа всегда старался приехать домой. Мамина стряпня для его гастритного желудка и капризной поджелудочной были не прихотью, а жизненной необходимостью.

Мы проходим в дальнюю зону, расположенную за кадками с высокими пальмами и пышными драценами.

Тут, видимо кто-то заинтересован в разведении этих растений.

Кактусов тут только не хватало. Улыбаясь, вспоминаю своего хранителя на стойке администратора. Ловлю на себе настороженный взгляд Павла. Сразу пропадает желание улыбаться.

Мы не договорили, я понимаю. И нам придется найти момент для объяснений. Но я трусиха. Лучше потом, когда-нибудь, не сейчас и не сегодня. И даже не завтра.

С мужем мы тоже так и не поговорили. Несколько звонков с неизвестных номеров я просто проигнорировала и отправила в ЧС.

Присаживаемся за свободный столик. Глеб ухаживает, отодвигает, придвигает стул. Галантный кавалер.

Только, кажется из-за его галантности у кого-то сейчас начнется несварение желудка. Глаза Павла превращаются в узкие щелочки. Знаю это его выражение скепсиса. Стараюсь не обращать внимания на его брызги. Я его пытаюсь не бояться.

Это же Пашка! Уговариваю себя, а сама ловлю на мысли, что это чужой, незнакомый мужчина в Пашкиной оболочке.

И все равно, мило улыбаясь, благодарю Глеба за услугу.

Почему я не отказалась идти с ними обедать? Почему?

Потому что сама себе не ври. Ты хотела сидеть здесь и сейчас за этим столом. А еще... Тебе нужна работа в этой фирме.

Мы берем папки с меню, и к нам тут же спешит официантка. А в соседнем зале самообслуживание. Вот он, социальный лифт в действии.

Невысокая девчушка в форме и в кроссовках степным сусликом раскачивается перед нами в ожидании заказа, поглядывая по сторонам. Вдруг позовут от другого столика, пока мы тут думаем. Чаевые никому не лишние. Мир денег и потребления. Все желания направлены на добычу средств существования.

Пытаюсь поместить свои длинные ноги на шпильках под стол.

Ловлю на себе задумчивый взгляд Павла. Он уже спокоен. Во всяком случае внешне. Что там за фасадом теперь не заметно.

Пока мы спускались в лифте, успели отдышаться и взять себя в руки.

Я точно. У меня даже получается улыбаться и отвечать на шуточки Глеба.

Официантка не успевает принять заказ. За наш столик сбоку от меня четвертой приземляется еще один работник нашего офиса. Девушка с рыжей копной. Та самая, что провожала вместе с Глебом Павла в командировку.

— Всем привет, — кивает она Глебу и Павлу, как старым друзьям. — Привет. Я Инна. — Протягивает мне ладошку. Жму. Мягкая и теплая. За эти три дня мы с Инной так ни разу и не пересеклись. — Про тебя уже слышала, Ксения Сергеевна, двадцать семь, три языка. А про меня забыли, — сокрушается она, глядя поочередно то на Павла, то на Глеба. — Хорошо, что мне девчонки из экономического сказали, что видели, как вы к лифту протопали.

Заглядывает в мою папку, потому что на столе лежало только две. Вторая у Глеба.

— Берем по салатику, — командует она. — Давай по капусточке со свеколкой, очень полезно.

Терпеть не могу этот салат со школьных времен. Особенно, после того, как мальчишки нас вечно дразнили, предлагая свои порции с салатом, чтобы сиськи росли быстрее. Они у меня и так нормально росли. В одиннадцатом классе двоечку носила. Впрочем, до сих пор так ее и ношу.

Я не успеваю возразить.

— Ксю… Кхе… Кхе… Не ест капустный салат, вообще.

Это говорит Павел, криво улыбается и смотрит на меня, будто хочет сказать: “И не благодари, знаю, тебя, дурочку, сейчас постесняешься отказаться и будешь грызть, как кролик, нелюбимые овощи”.

Это неожиданно. Особенно после того, как он меня пять минут назад чуть не придушил в собственной приемной.

Смотрю на Павла удивленно. Он легко выдерживает мой взгляд. Вижу только легкое подергивание левой щеки. Замечаю тонкую, почти незаметную полоску шрама. Раньше его не было на лице.

Боковым зрением вижу изумление на лице Глеба и Инны.

Только я не об этом думаю, я думаю о том, что Пашка помнит про салат, не забыл.

Только зачем заботится? Или никому не позволю, буду сам обижать?

Я тоже много чего помню: что любит кофе без сахара и лучше сваренный в турке. И пенку сдувать, пока не опустилась. Его мама такой всегда варила. И борщ, чтобы ложка стояла, и любимые отбивные с ананасами под сыром. И это только если говорить про еду.

Я с трудом прерываю наши гляделки. Опускаю взгляд в меню. понимаю, что ничего не вижу. Вернее, буквы вижу. но что они обозначают, понять не могу. Не сейчас. Чувствую, как губы тянутся в предательскую улыбку.

— Спасибо, — тихо благодарю и киваю Инне. — Я не ем сырую капусту, увы, — пожимаю плечами и протягиваю ей папку. — Выбирайте, я уже знаю, что закажу.

Она забирает папку и начинает водить глазами по названиям блюд и шевелить губами.

— Интересненько, — Глеб смотрит сначала на Павла, потом на меня, но, встретив предупреждающий взгляд Павла, не продолжает свою мысль, замолкает в задумчивости.

Киваю официантке и начинаю перечислять желаемое.

Потом девушка принимает заказы у Глеба, Инны и Павла.

Приняв заказ у всех, исчезает.

— Павел Иванович, ну рассказывайте, как съездили? Как китайцы? Вы их впечатлили? — Начинает штурм неприступной крепости по имени Павел Инна. В ее голосе чувствуется неприкрытое волнение.

А я в душе ликую. “Павел Иванович, значит, между ними есть дистанция”. И в этот момент я вдруг верю, что у меня есть шанс вернуть назад наше с Пашей прошлое. Вот только бы нам встретиться наедине и поговорить. Обо всем, что тогда с нами произошло. Понять, почему так произошло.

— Впечатлили, наверное, надеюсь… — вздохнув, отвечает Павел. — Но насколько, будет известно только через месяц, должны прислать документы на официальную почту. Но вы смотрите… — Паша шутливо приставляет палец к губам и делает: — Т-ш-ш-ш. Я это еще даже генеральному, — поднимает этот же палец вверх и тычет в потолок, — не докладывал. Но если что, вы все равно об этом узнаете одними из первых.

Павел смотрит через стол на меня, будто мысленно говорит: — “Делюсь военной тайной, цени”.

А я читаю: “Заодно проверяю на вшивость”.

Мой тяжкий вздох ему ответ.

А Инна, как маленькая девочка, загорается под цвет волос и поет дифирамбы Беркутову:

— А я даже не сомневалась. Вы наш гений.

Дальше ведем разговоры об общей картине состояния логистики в стране. Павел и Глеб приходят к выводу, что внутренние перевозки все же сейчас намного приоритетнее. Инна поддакивает, я молчу. Разговор прерывается. Нам приносят заказ.

Я наблюдаю исподтишка, как ест Беркутов. С него картины можно писать. Он всегда ел красиво. Как настоящий аристократ. Даже на наших юношеских посиделках всегда выделялся культурным обхождением с дамами и навыками этических норм. Знал, какой ложкой или вилкой нужно пользоваться за обедом. И пиво пил из высоких бокалов. Даже баночное выливал в стакан. Никогда не пил из дырки.

“Меня мама так приучила”, — отмахивался от подколок друзей и продолжал делать так, как ему нравится.

Глеб заканчивает с обедом первый и покидает стол.

— Я руки сейчас помою и вернусь, — оправдывается он и исчезает. Что-то он сегодня часто моет руки.

Инна тоже заканчивает есть, смотрит на часы.

— Ой, я же тут хотела в одно место заскочить в перерыв. Рада знакомству, спасибо за компанию, — делает она в воздухе “пока-пока” и спешит к выходу.

Мы на пару минут остаемся с Павлом одни.

Упорно ковыряюсь в тарелке. Боюсь поднять голову. Вздрагиваю. Беркутов начинает говорить.

— В общем так, Ксения Сергеевна, я думаю нам нужно поговорить. — Вижу его крепкие пальцы, обхватившие вилку, но голову не поднимаю. — Предлагаю сегодня встретиться в… другом месте и обсудить одну тему.

Вцепляюсь в свою вилку. Мы словно на ринге с вилками. Кто кого.

— Какую?

По-прежнему не поднимаю голову.

Беркутов продолжает говорить.

— Зачем ты здесь.

Я поднимаю голову и, сузив глаза спрашиваю:

— А если я скажу нет?

Он припечатывает меня тяжелым взглядом, слово придавливает к столу.

Я едва выдерживаю его энергетику. Собрав всю свою волю, продолжаю говорить:

— Это не твое дело, Паша. Я здесь. И все.

Паша хмыкает, и я снова вижу это едва заметное подергивание щекой. Чеканит каждое слово.

— Нет. Так не пойдет. Если ты хочешь работать в нашей фирме, то ты придешь на встречу. Сегодня в шесть. Место пришлю смской. Иначе завтра же вылетишь с работы.

Глава 17

Вот же сволочь! Какая же он сволочь!

От негодования пропал аппетит, но я стоически допиваю сок и ставлю стакан на стол.

Метаю в Беркутова взгляды-молнии. Испепелила бы его гада. А он сидит и только усмехается, наблюдая за моим лицом. Снова читает меня, как раскрытую книгу.

Всем своим видом я говорю ему, что не боюсь его. Ни капельки. А вот в душе.

Да, боюсь, боюсь, очень сильно боюсь. Что Беркутов пойдет к Хмельницкому и убедит его не давать мне покровительство. И тогда… Я даже не могу себе представить, что будет тогда.

Тогда в этом мире станет на одну девушку по имени Ксения меньше. Вот и все.

А я этого не желаю. Я жить хочу. Любить хочу. И чтобы меня любили.

Ну нет. Я буду до последнего бултыхаться и сучить лапками, пока не собью маслице, как та лягушка в притче о стойкости духа.

Так меня воспитал отец.

Глеб возвращается. Довольно улыбается, смотрит поочередно то на меня, то на Павла. Замечает мое напряженное лицо.

— Вы чего? — Переводит он взгляд с меня на Беркутова. — Какая кошка между вами пробежала? Вас одних оставлять никак нельзя. Павел Иванович, неужели эта милая девушка когда-то увела у вас заказчика? — пытается он шутить. — Забей, это было давно и неправда.

— Что вы, Глеб Викторович, вы не поверите, но проблема совсем не в этом. Ксения Сергеевна не уводила у меня клиента. — Паша хмыкает, и я читаю во всей позе его любимую фразочку “кишка тонка”. — Ты не волнуйся, Глеб Викторович, эта милая девушка еще создаст нам проблемы, да такие, что будем разребать всей фирмой. Ты даже не представляешь, какой сейчас сидит перед нами глубокий потенциал. И это я не про ее языки. — Беркутов усмехается и небрежно берет в руку стакан с соком. Хмыкает и делает глоток. — Да, Ксения Сергеевна?

Это я уже терпеть не собираюсь. Хамство чистой воды.

Я молча встаю из-за стола.

— Приятного аппетита, спасибо за компанию. — говорю с вызовом “чтоб вы подавились”, разворачиваюсь и демонстративно покидаю кафе. Колени дрожат, внутри злобное пламя.

Я чувствую, как между моих лопаток разгорается огонь, и этот огонь горит и спускается ниже. Знаю причину этого огня. Так я всегда реагировала на Пашкины гляделки.

Ну и плевать. Смотри, пока глаза не поломаешь.

Я иду на свое новое рабочее место. Усаживаюсь за стол и включаю компьютер. Жду когда загрузится, нервно постукивая ногтями по столешнице.

Сегодня до конца рабочего дня мне нужно успеть перевести два документа: один с английского, а другой с арабского.

Виктор Стефанович очень просил.

Это, не считая, текучки. А я тут поддалась эмоциям.

Через время замечаю, что сижу и таращусь в экран. Целых два часа.

Хорошо работаю! Главное, никто не мешает.

Хмельницкий и Беркутов так и не появились.

Значит, задержались у Виктора Стефановича на совещании.

От экрана меня отвлекает пиликанье телефона.

Снимаю блокировку, нажимая пальцем на панель.

С незнакомого номера приходит смска.

Открываю.

“Сегодня в 19-00 жду в “Галерее” на Горьковской”.

Читаю адрес заведения. Я знаю этот ресторан. Пару раз мы бывали там с Аликом. Когда-то. В прошлой жизни.

Телефон снова пиликает, досылая сообщение.

“Попробуй только не прийти, вылетишь из фирмы завтра же. Смайлик-чертик. И номер не забудь внести в память, это мой для личных звонков”.

Ну надо же! Какая честь. Паша дал личный, а не рабочий номер.

До конца рабочего дня успеваю перевести оба документа. Отправляю их на электронную почту Виктору Стефановичу.

Довольная собой выползаю из-за стола. Ноги затекли, кости ноют, спина ломит. Шерсть только не отваливается.

Ох, тяжела ты долюшка секретарская! А все думают, что это работа так себе. Некоторые недальновидные граждане секретутками обзывают и кофеманками. Попробовали бы сами, быстро бы поняли, как все не просто.

Кстати, можно и кофейку попить за счет фирмы.

Прошлась по приемной, выглянула в окно.

Вид с высоты прекрасен. Красивый город, знаю, люблю его даже больше, чем столицу. Так случилось.

Захожу в комнатку с кофемашиной, шкафчиком и холодильником. Все такое же, как у старшего Хмельницкого. Только холодное и бездушное. Нужно притащить какую-нибудь картинку, крестиком вышитую, на стенку повесить. А лучше две. У генерального висят. Катенька расстаралась.

Подставляю чашку, нажимаю нужные кнопки. Дождавшись свой кофе, возвращаюсь к столу и выключаю компьютер. Пью.

Пора заканчивать рабочий день. Начальство так и не появилось, указаний про задержаться не поступало, значит, можно отправляться домой.

Мысленно я уже нарисовала свой маршрут.

Не забыть по пути заскочить за булкой. Тетка утром просила. Заскочить в химчистку за костюмом, а то завтра на работу не в чем идти.

Нужно на выходных устроить себе шопинг и купить еще одежды.

Какая-то непонятная тоска сжимает сердце. Мысли о событиях последних дней рвут душу.

Алик, кажется, устроил временное затишье. Мне не звонят. Значит, может появиться в опасной близости в любое время.

А Пашкино требование? Что с ним-то делать?

Идти в ресторан на встречу? Или сразу топать к Хмельницкому с жалобой на сексуальное домогательство? И как это будет выглядеть?

Ко мне же еще никто не приставал, просто позвали поговорить.Только о чем?

Не успела начать работать, а уже жалобщица.

Чувствую вкус железа во рту вперемешку с кофе. Неприятно пощипывает. Вот балда, не заметила, как искусала изнутри щеку.

И поговорить об этом не с кем. Ну не с Екатериной Сергеевной идти советоваться? В самом-то деле.

Выпиваю кофе, любуясь на парящих за окном альбатросов. Красиво. Хотелось бы и мне так, взлететь и улететь. И чтобы никого рядом, кто смог бы портить мне жизнь.

Отчего люди не летают как птицы? Коварный вопрос.

Отношу чашку, полощу и прячу в шкафчик.

Смотрю на голую бежевую стенку с фигурной штукатуркой.

Нет, завтра же выпрошу у тетушки парочку картинок с цветочками с ее “стены плача” и повешу рядом со шкафчиком. И посуды бы еще добавить: пару широких тарелок для бутербродов и маленьких для тарталеток. Недокомплект.

Хотя. Тут и проходимость ниже, чем у генерального. может, этого хватит.

Так-с. Теперь можно домой. А начальство пусть само на себя пеняет.

Беру в руки сумочку.

Но уйти не успеваю. За пять минут до окончания рабочего времени в приемном появляются Паша и Глеб.

Павел проходит мимо меня быстрым шагом и скрывается в кабинете. Успеваю поймать на себе его сверлящий и одновременно скептический взгляд.

Глава 18

— Чего грустим? Соскучилась? — шутит от порога Глеб, останавливается на секунду около моего стола и смотрит сочувственно. Он проводит ладонью по волосам, кивает. Недоумевающе смотрит на открытую дверь в кабинет и пожимает плечами.

— Т-с-с, — приставляет он палец к губам и улыбается. — Дракон в гневе. — Улыбается и шагает следом за Павлом. Дверь за ним захлопывается.

Ладно. А что мне делать? Я стою уже с сумкой в руках, на взлете. Мысленно я уже булку выбираю, белую, ненарезную. Такую тетка любит, и я.

А теперь ждать?

Ну уж нет.

Нетерпеливо притопывая, мысленно проклиная всех на свете, решительно шагаю к двери, громко стучу и, не дожидаясь разрешения, захожу в кабинет.

Я прерываю их разговор. Замечаю серьезные лица. Оба поворачиваются ко мне. На лицах застыло недоумение: “кто посмел?”

Я не обращаю внимания на выражения их лиц и невозмутимо задаю вопрос:

— Простите, я могу покинуть приемную? Мне нужно домой, — показательно стучу по циферблату наручных часов.

Глеб вскакивает с места и, глядя на Павла, заявляет:

— Ксения, я отвезу вас домой, пять минут подождете?

И это звучит не как вопрос, а, скорее, как приказ. Отказываться не вижу смысла, согласно киваю. На лице Павла непроницаемая маска. Даже не верю, что это он мне пару часов назад прислал смс с приглашением в ресторан.

Но может, так и нужно? Офисный закон не зря гласит: Никаких служебных романов. Но кто бы слушался.

— Да, спасибо. Я буду у лифта.

Глеб кивает. Павел смотрит на меня, прищурившись. Молчит.

Молчи, молчи. Вот и не приду в ресторан.

С внутренним злорадством смотрю на него и покидаю кабинет.

Стою у лифта уже десять минут. Жду Глеба. Звонок. Юрий Федорович — начальник охраны. Отвечаю на звонок.

— Ксения Сергеевна, спускайтесь на стоянку, я отвезу вас домой. Приказ начальства.

— Да, спасибо, сейчас буду.

Смотрю на дверь в нашу приемную. Глеб так и не появился.

Понятно, что ничего не понятно.

А счастье было так возможно.

Домой возвращаюсь через час. Есть прелесть в использовании личного транспорта, хоть и служебного. По пути мы успеваем и в булочную, и в химчистку.

На удивленный возглас тети Вали отмахиваюсь:

— По работе подвезли.

Пуляю на кухонный стол булку. Перехватываю чехол с костюмом в освободившуюся руку и мчусь в свою комнату. Выделенную во временное пользование свою комнату.

— Ты есть будешь? — летит мне в спину. И я останавливаюсь. Резко.

Решение приходит быстро и сразу.

Я иду.

Я иду в ресторан.

Я иду в ресторан на свидание.

Я иду в ресторан на свидание с Павлом.

И плевать, что это может быть и не свидание вовсе, а деловой разговор. Или еще хуже, деловой разговор с ультиматумом.

С поползновениями под юбку, это вряд ли. Пашка не такой. Он гордый. Он не позволит себе предложить мне встречаться. Он вообще, теперь ко мне не приблизится. Таких как я он всегда презирал и пользовал. Про последнее не знаю, только смею предположить.

Я пролезла соцсети и не нашла его страничку. Глеб есть, а Павла нет. До сих пор. Даже инфы практически ноль. Только маленькая заметка, что в компании ЛогистикЭксГрупп появился новый директор по связям, и что на него возлагают надежды и бла-бла-бла.

Не медийная личность Беркутов. Совсем.

Ношусь по квартире, как угорелая. Одновременно успеваю сделать сто дел: вызвать такси, отпарить платье, принять душ, высушить волосы и уложить в простую прическу. Распущенные гладкие.

С платьем не заморачиваюсь. Их у меня три. Столько успела в чемодан швырнуть: черное классическое, синее блестящее и красное вызывающее.

Какое надеть, даже не заморачиваюсь: Я знаю куда иду. На вы.

На теткины вопросы отвечаю односложно: да, нет, потом.

Опаздываю безбожно, мысленно подгоняю таксиста, слишком медленно нажимающего на газ у каждого светофора.

Едва отдышавшись, сбиваю дыхание и вхожу в ресторан королевишной. Сдаю в гардероб плащ и зонт.

Расправляю плечи. Втягиваю живот.

— Меня ждут, — говорю услужливому метрдотелю и шагаю к стеклянным дверям в позолоте.

— Весьма самоуверенное утверждение, — слышу за спиной знакомый голос.

Оборачиваюсь. У гардеробной стоит Беркутов и сдает зонт.

Он что? Пришел на свидание с опозданием?

Сверлит меня неприязненным взглядом. Желваки ходят ходуном. Зубы стиснуты.

И не понятно, нравится ему или не нравится то, что он видит.

Платье красное в облип с прекрасным видом на грудь, где между полушариями поместился кулончик на золотой цепочке. Духи из последней коллекции известного бренда. Да, мне муж купил. Ну и что?

Да, я старалась. Прихорашивалась. Не для него. Для себя. Или вон для того молодого мужчины в фойе у зеркала. Да.

— Мы можем пройти? — вежливо спрашивает Павел у администратора. Тот кивает в ответ, открывая перед нами дверь в зал.

Мой локоть обжигают крепкие мужские пальцы. Павел вцепляется в мою руку и направляет в зал.

— Пойдем уже. — В его голосе слышится раздражительность.

Я тоже начинаю закипать.

— Не трожь меня, я сама, — вырываю локоть и шиплю как змея. Осталось только капюшон прицепить и точно за кобру сойду. Не пойму только, что меня взбесило больше: опоздание Беркутова или его равнодушие к моей красоте.

Эта сволочь не обращает внимания на мое шипение. По-светски склонив голову, пропускает вперед, едва касаясь моего плеча. Дергаюсь как от удара током, но прохожу мимо, гордо задрав подбородок. Беркутов идет за мной. Спина горит и задница тоже.

Ну и смотри, хоть глаза сломай, сквозь землю от стыда не провалюсь. Не дождешься.

Павел проходит вперед и подходит к нашему столику. Галантно отодвигает стул. Ждет, пока усядусь.

Демонстративно моргает и окидывает плотоядным взглядом сверху вниз.

Отвечаю тем же.

Беркутов садится напротив и жестом подзывает официанта.

Я опоздала на сорок минут. Это ж что получается? Если бы я пришла вовремя, то сидела бы сейчас вся такая красивая в одиночестве и ждала Беркутова?

Это кошмар.

Демонстративно смотрю в телефон и вздыхаю.

Нет. Никаких смсок не наблюдается. То есть этот орлан даже не предупредил меня, что задержится.

Мои манипуляции с телефоном замечены. Беркутов ухмыляется.

Переворачиваю телефон и строю глазки “а нам все равно”. Звучит по-детски. Согласна. Но другого пока не придумала. Я вообще, не знаю, как себя вести в этим знакомым незнакомцем. Что говорить, что не говорить, о чем спрашивать, как отвечать.

Выбираем блюда. Мне пофиг кто будет платить за мой заказ. Хочет, пусть платит, не хочет, я еще имею возможность шикануть. Деньги есть.

Гулять так гулять.

Заказываю все, на что глядят глаза: мясо французское, рыбу под овощами, два салата, миндальные пирожные, блинчики с красной икрой.

Я реально голодная.

Срабатывает инстинкт. Тот самый, с которым нельзя заходить голодным в продуктовый магазин. Не заметишь, как корзинка наполнится до краев, и ты только дома поймешь, что большая половина купленного не просто не помещается в холодильник и шкаф, а вообще не нужна в твоей кухне.

Так и здесь. Я знаю, что все это не вместится в меня, но хочу.

С каждым моим словом у Беркутова поднимаются брови. Но он молчит, зараза.

Беркутов в заказе весьма скромен: окрошка, блины, компот.

Компот приносят в прозрачном стеклянном кувшине. Беркутов успевает подхватить его быстрее официанта и сам разливает по стаканам. Я подаю свой и нечаянно касаюсь руки Павла. Резко отдергиваю руку. Током прошибает пальцы, едва не летят искры.

Замечаю на его щеках подергивание, и маленький шрам. Так хочется спросить, откуда он, но не решаюсь. Когда-нибудь спрошу, обязательно, но не сейчас.

Беркутов молча наблюдает за пищевой вакханалией. Только подергиваются брови.

Едим молча.

Когда уже запиваем компотом, не сговариваясь ставим стаканы и молча смотрим друг на друга.

Кто начнет разговор первым? И начнет ли?

Но все заканчивается слишком быстро. Я даже не успеваю ответить.

Беркутов вздыхает, будто то, что он сейчас скажет, ему не нравится самому и все же произносит:

— Ксения, предлагаю тебе стать моей любовницей.

Я дергаюсь, будто меня ударили. Причем ударили исподтишка. Грудь сдавило, не могу дышать. Все же выдавливаю из себя:

— Что-о-о? — Сиплю. будто подбитая на лету.

Я не вижу себя, но думаю, картинка нелицеприятная. Я задыхаюсь. Замечаю, как на нас обернулась парочка за соседним столиком.

Беркутов не спеша вытирает рот салфеткой, кладет ее на стол. Смотрит на меня немигающим стальным взглядом и повторяет:

— Я. Предлагаю. Тебе. Стать. Моей. Любовницей. — чеканит он тихим голосом каждое слово. — Что непонятного? Хочу чтобы ты украсила мою постель.

Глава 19

Смотрю в глаза цвета штормового моря.

Красивые глаза. Ресничками хлопает, туда-сюда, как кукла, растерялась от моей наглости. Губки выпятила. Дышит тяжело.

Не ожидала.

Я сам не ожидал. Думал, просто поговорим, предложу ей свалить из нашей фирмы по-хорошему, оставив дурные помыслы.

Но старик немного поломал мои планы, и я уже собирался даже предложить свои услуги охранника. На полном серьезе.

А когда увидел ее в этом блядском красном платье, кровь заиграла.

Скарлетт, блт, выискалась.

И сиськи свои напоказ выставила, будто я не знаю, что они у нее есть. И какие.

Еще и на мудака того у зеркала зыркала.

Какого черта?

Чары свои проверяла?

Проверила?

Он-то масляным взглядом на нее вылупился, дай волю, утащил бы ее для интимной беседы в укромный уголок и оттрахал бы на унитазе, как последнюю шлюху.

Паук, блт.

Как была дурой, так дурой и осталась.

— Что-о-о?! — повторяет Ксения, захлебываясь. Открывает и закрывает рот, будто золотая рыбка в аквариуме. Только говорящая.

Вижу, что она уже на подлете. Швыряет салфетку на стол рядом с пустой тарелкой. Обжора.

Сейчас встанет и уйдет. А мне этого не надо. Я сюда ее не для того звал.

— Я хочу, чтобы ты украсила мою постель, — говорю уже более миролюбиво, — а я смогу защитить тебя от твоего мужа.

Ксения резко выдыхает и смотрит по сторонам.

Ну прости, милая. По-другому никак. Ты это заслужила, если что.

— Что-о-о! — Румянец затопил щеки и шею. Третий раз подряд, это уже слишком. Ксюхин активный словарь всегда был выше среднего, и это без учета ее филологических познаний.

Кажется, Ксюху закоротило.

Надо выводить ее из ступора.

— Ксю, мы взрослые люди. Я знаю, что тебе нужна помощь. Более того, ты прячешься от собственного мужа по понятной причине. Здесь тебя больше никто не сможет защитить надежнее, чем я, поэтому я предлагаю бартер. Я тебе защиту, а ты мне…

Выразительно смотрю в ее любезно предоставленное для обозрения декольте.

Ты же его для этого нацепила, это платье? Привлечь внимание самцов? Ты справилась. Я привлекся. Моя палатка под столом тому доказательство.

Я понимаю, что хочу эту женщину в свою постель. Причем, не так, как семь лет назад.

Ксения отмирает. Приходит в себя и начинает защиту нападением. Ожидаемо.

— Ты чем думал, когда решал предлагать мне такое? — шипит Ксюша. Глаза метают гневные молнии. Пальцы крепко вцепились в вилку.

Опасное оружие в ее руках. Знаю точно.

Уверен, до рукопашной у нас не дойдет.

— Да как ты смеешь? — На столе появляются сжатые кулаки.

— А что не так? Или я только целки бить годен? А в роли мужчин предпочитаешь папиков с толстыми кошельками?

Ступаю на опасную территорию, но даю себе это право. Имею.

Ксю как-то сразу сдувается. В глазах появляется невысказанная боль, и мне даже становится ее жаль, но нет. Я знаю эту лживую тварь, и никогда не прощу то, что она сделала с моей жизнью.

— Или тебе нужно сразу замуж предлагать? Так ты уже замужем, — жестю, но уже не могу остановиться. — Или еще. Не важно. — Отмахиваюсь. — И еще один момент. Не согласишься, я сделаю все, чтобы в ближайшее время ты потеряла работу в нашей фирме. Способов миллион с добавкой. Так что решай, что тебе важнее, блюсти свое непорочное тело или… — развожу в стороны в ладони, даря Ксюхе иллюзию выбора решений.

— Ну знаешь, — Ксюша быстро берет себя в руки, — это всего лишь твое бла-бла, — играет она пальчиками у своего лица. — Виктор Стефанович не позволит меня обижать.

— Проверим? — подаюсь я вперед и нависаю над столом.

Впериваюсь в нее пренебрежительно.

В ответ получаю такой же взгляд. К Ксюше вернулось самообладание. Тест на стрессоустойчивость почти пройден. Но мне нужен другой результат. Положительный. Я хочу эту женщину.

— Даже думать не хочу, — фыркает она в ответ, словно необъезженная кобылка.

— А придется, — не остаюсь в долгу.

— С чего бы?

— С того. Я, кажется, уже все объяснил. В общем, так. Я даю тебе два дня на принятие твоего положительного решения.

— Неделю.

— Два дня и ни часом больше.

— Нет.

Уперто отвечает Ксюша, дарит мне гневный взгляд, встает и уходит. Ее милый зад, обтянутый красной тканью мелькает перед глазами, как тряпка перед быком. Мысленно бью копытом.

Никуда ты не денешься. Приползешь.

Если бы она сейчас разбила о мою голову этот кувшинчик, то была бы права. Я никогда не чувствовал себя большим мудаком, чем сейчас. Даже когда встречался с Леной, зная, что у нас нет будущего. Там все было понятно: обычные временные отношения без долгосрочных перспектив.

Как там у классика?

“С тобой мы встретились случайно, сошлись и разбежались вновь. Была без радости любовь, разлука будет без печали”.

Так сказать, секс без обязательств.

И Лена это сознавала, когда легла в мою постель первый раз. Я не скрывал своих намерений и сразу обозначил границу наших отношений.

Поэтому, когда мы поняли, что вряд ли уже будем вместе, и что просто тратим впустую жизненный ресурс друг на друга, разошлись без выяснения отношений. А еще нам стало скучно в обществе друг друга.

Эмоционально не смогли прирасти, потому что встречались редко. Мы ничего не были должны друг другу: ни детей, ни недвижимости, ни общего прошлого. Ничего.

С Ксюхой все было по-другому, все было не так. между нами всегда искрило. С самой первой нашей встречи.

Я сам не знал, чего хотел от нашей связи. Эмоций или физики? Но что хотел эту связь, хотел видеть ее в своей постели, это факт.

Я сидел напротив, смотрел на ее пухлые губы, призывно открытое декольте, холеные руки. А представлял себе, как мои ладони скользят по этим предплечьям. Как я вторгаюсь в этот рот языком и выбиваю стоны, целую возбужденные пики и глажу грудь.

Я помню эти гладкие полушария и какими нежными вздохами сопровождались мои ласки. Как собирались капельки пота над этими губами в момент страсти, и как дрожала их хозяйка от удовольствия и желания.

Да, я снова хотел ощутить все это, хотел безумно.

Жениться на Ксюхе? Да, Боже упаси!

Уже имелся печальный опыт хотения, повторять не стоило. К тому же она еще замужем, и кто знает, может, еще помирится с мужем и тю-тю. Вернется в свой дворец. Красавица. Но теперь я сей факт переживу легко и быстро.

А вот ощутить себя в ней и над ней, ненадолго, временно, могу себе позволить. И меня совершенно не волнуют все эти общечеловеческие морали и понимание того, что я просто хочу воспользоваться ее телом, чтобы удовлетворить свою похоть.

Услужливый официант застыл недалеко от столика. Заметил уход девушки. Я не спешу. Наливаю себе еще компот и медленными глотками пью, раздумывая.

Старик продержал нас два часа в своем кабинете. Все ностальгировал о студенческих годах, вспоминал друзей, себя и печально шутил.

Я даже заволновался о его здоровье и заподозрил, не собирается ли он уйти на заслуженный отдых.

А потом тема нашего разговора незаметно перескочила на Ксюху. Оказывается, она дочь его старого друга. Старик когда-то учился с Сергеем Николаевичем и Маргаритой Ивановной в институте. Ксюша поэтому и пришла за помощью к старику.

А я и не знал, что между ними существует какая-то связь.

Вот почему Ксюша так уверенно себя чувствует в стенах нашего офиса.

Вся эта история с разводом и предположительно скандальным разделом имущества сначала меня тронула, да.

Старик хитрый, тонко намекнул, что если мы поможем девушке выжить в этой истории, то нам может перепасть хороший кусок на рынке железнодорожных перевозок. Что у Ксении имеются акции в базовом активе одной из крупнейших компаний, и ей вряд ли позволят унести из гнезда золотые яйца.

“В общем так парни, что хотел сказать по поводу Ксении. Я тут заметил тараканьи бега среди вас, так вот, предупреждаю, обидите, будете иметь дело со мной, — вспоминаю проникновенную речь старика.

— А что так? — откликается Глеб.

— А то так, она дочь моего старинного друга, считай, моя дочка, поэтому беру под свою защиту. У нее небольшие неурядицы с бывшим мужем, поэтому нужно как-то защитить от венценосных родственников. Я этим сейчас занимаюсь. А от вас жду понимания и помощи. И девочку не обижать”.

Какая донесла? Неужели Катенька? Ну а кто еще? Больше некому. Все знают, что Екатерина Сергеевна не просто секретарь генерального, она его глаза и уши.

Я не стал рассказывать, что встречал на форуме молодого Гусева, мужа Ксении, и что подслушал разговор. А на просьбу старика отреагировал так, как посчитал нужным.

Я прямо там решил пригласить Ксюшу в ресторан и поговорить обо всем, ну и предложить свою помощь. Отправил смску, пока она не убежала домой, и чтобы было время на сборы. Но лучше бы я потащил ее на аудиенцию прямо из офиса.

Это блядское красное платье изменило траекторию нашего разговора.

Но с другой стороны, как еще я могу защитить Ксю, если она не будет на моих глазах все двадцать четыре часа в сутки?

Я не смог придумать ничего лучше, чтобы обезопасить ее на все сто.

А тут еще Глебушка успел расставить свои сети. Повелся за очередной юбкой. И пусть бы, да только эта юбка — Ксю.

И я вдруг понимаю, что злюсь.

Киваю официанту — можно нести счет.

И все-таки присутствует еще один момент.

А что если вся эта история с разводом фикция? И Ксения просочилась в наш офис не просто так?

Глава 20

Какой козел!

От негодования у меня сносит крышу. Я стараюсь нести голову гордо поднятой, а сама еле сдерживаю слезы. Под ноги стараюсь не смотреть.

Это, чтобы все осталось в глазах, золотая моя слеза не выкатилась. И губы пытаюсь не кусать. Нежелательно.

Иду между столиками, задница горит вселенским пожаром. Знаю, что смотрит… Гад… Испепеляет меня за отказ.

Ну и смотри!

Не дождешься, сволочь. Обуглюсь, но тебе вот так просто не достанусь.

Нужно скорее покинуть ресторан. Не могу здесь находиться больше ни минуты. Не могу дышать одним воздухом с этим нахалом.

Как только удержалась и не вылила Беркутову на голову содержимое кувшинчика?

А такое желание было разбить об эту наглую морду стеклянный сосуд.

Но при чем хрупкое изделие, если кто-то проявил свою кобелиную сущность?

Я, конечно, не позволила себе ничего такого. Воспитание, мать его.

В фойе прохладнее, но мое лицо горит от стыда. От лица загораюсь вся.

Нет, ни за какие деньги, ни при каких условиях я не стану его любовницей!

Чего захотел!

Что?

Просто так девки в койку не ложатся?

Зудит внутри мой внутренний злой карлик и ерничает.

Не верю сама себе. Ложатся, еще как ложатся.

Вон какой брутальный самец.

И лицом красив, почти Ален Делон в юности, и фигурой статен. И одежда на нем как на модели сидит. Ну брендовые шмотки на любого надень, и он красавчиком станет, даже, если чуть красивше обезьяны будет.

Это я себя так уговариваю.

А сама тут же признаюсь себе, что мне по-прежнему нравится Беркутов: с той самой первой встречи, когда он вошел в класс и поднял мой карандаш с пола. И то, что я не вышла за него замуж, это всего лишь досадная ошибка. Моя ошибка. Или досадное стечение обстоятельств. Так бывает в жизни.

Такси едет невыносимо долго. Как назло. Сегодня все происходит мне назло. Будто какая-то комплексная проверка на стрессоустойчивость. Я держусь.

“Не буду плакать. Не буду, не буду, не буду…” — уговариваю себя всю дорогу.

Добираюсь до Просвещения. Прошу остановиться за пару домов от теткиного. Хочу пройтись, успокоиться, обдумать нашу с Пашей ситуацию.

Не хочу лишних вопросов от родственницы, хоть она больше и не пристает с расспросами.

Иду по ночному городу, чувствую себя одинокой и брошенной.

И такая тоска на душе пульсирует щемящей болью где-то в районе сердца, что мочи нет терпеть. Если бы здесь была речка, наверное, прыгнула вниз головой и конец моим печалям.

Такой себя помню, когда родители погибли, и когда про Пашку узнала плохие вести, тоже так было.

Но сейчас-то что?

Никто не умер, даже воскрес, но почему так больно?

Пашкино предложение для меня прозвучало, как гром среди ясного неба, как предательство того тайного, самого укромного местечка в моем сердечке, что я прятала от окружающих все эти годы.

Отгоняю от себя дурные мысли. В горле стоит ком, готовый вот-вот обрушиться лавиной слез. Горечь смешалась с гневом и мешает мне успокоиться.

Начинаю мысленно разговаривать сама с собой. Пытаюсь оправдать Пашку, обвинить себя: прокурор и адвокат в одном флаконе.

Прохожий оборачивается и смотрит на меня, как на умалишенную.

Понятно. Внутренняя речь выскочила наружу без спросу.

Замечаю, как из нашего двора выезжает черная иномарка.

Сбиваюсь с шага и останавливаюсь. Чувствую жжение в груди. Во рту резко становится сухо, как в степи жарким летом. Сердце готово выскочить из груди.

Такие люксовые автомобили предпочитает мой муж. И охрана в фирме свекра тоже на такихпо столице народ пугает.

Глава 21

Непроизвольно шагаю ближе ко входу в продуктовый магазин. Если что, я успею в него заскочить. Главное, не суетиться. Это я вспоминаю советы моего учителя по самообороне.

Никакой суеты, спокойствие и только спокойствие. Концентрируем внимание на проблеме и отпускаем себя.

Свет фонаря освещает номера. Московские. Здесь. В моем дворе. Случайность? Ага. Еще какая!

Сердце бьется в безумной пляске. Пальцы вцепились в сумочку мертвой хваткой. Ноги пытаются заплетаться.

А я отпускаю себя. Иду в том же темпе, что и прохожие, втягиваю голову, делаю вид, что тороплюсь домой с работы. Ага.

Автомобиль проезжает мимо в пяти метрах от меня, за тонированным окном никого не видно, но я уже представила себе одного из охранников мужа. И мне жутко.

Автомобиль набирает скорость и исчезает среди машин.

Фух! Пронесло. Не узнали.

Как хорошо, что я изменила прическу и купила новый недорогой плащ.

С опаской вхожу в двор. Вдруг оставили вторую машину. Оглядываю стоянку под окнами. Вроде бы все машины привычные, чужих не наблюдаю.

Спешу к подъезду. Подгоняю домофон и проклинаю этот мерзкий долгий писк.

Влетаю по ступенькам на площадку. Судорожно ищу ключ. Не успеваю всунуть в замочную скважину. Дверь в квартиру открывается.

Странно. Тетя Валя стоит в проходе. Обычно, даже из своей комнаты не выходит, когда я возвращаюсь с работы.

— Как ты?

— Нормально.

Смотрит на меня недоверчиво. Отходит вглубь квартиры, позволяя мне войти в коридор.

— Ты по пути никого не встретила?

— Не-ет! А должна? — вру безбожно, но не хочу начинать первой, хочу услышать тетю Валю.

— Ну не знаю. — Родственница смотрит на меня недоверчиво, близоруко щурясь.

— Что случилось? — Скидываю туфли с ног, наклоняясь, чтобы спрятать выражение лица.

Я не конца спрятала волнение. А еще мне страшно. Очень страшно. Боюсь, что меня выдадут глаза, а у тетки все же уже возраст и сердце.

— Тут тебя спрашивали.

— Кто? — Все-таки вскидываю голову и смотрю на тетку.

— Не знаю, я дверь не открыла. Через дверь спросили, есть ли здесь такая-то, — сварливо отвечает тетя Валя и поворачивается в сторону кухни.

— А вы что?

— А я ничего… Нет тут такой.

— А они?

— Сказали, что все указывает, что ты тут есть…

— А вы?

— Что они ошиблись и если не уйдут, я полицию вызову, — родственница всхлипывает или вздыхает, по звуку не определить, идет на кухню.

— Спасибо тетя Валя. — Иду следом на кухню. — Я, наверное, поищу другое жилье.

В этот момент я уверена, что это лучшее мое решение.

Чем я думала, когда втягивала в эту историю пожилую нездоровую женщину? А если Алик почувствует безнаказанность и решит взять квартиру приступом? И полиция окажется бессильной при его доводах о “загулявшей жене”, хотя, загулявший-то на самом деле он?

Тетка оборачивается и уверенный хмык развеивает мои сомнения.

— Еще чего, своих не сдаем. — Мы входим в кухню. На плите уже турка. Тетя Валя спешит к плите. Успевает выключить ровно в тот момент, когда над узким горлышком поднялась коричневая шапочка. Аромат ее кофе божественен. Но я снова начинаю ныть.

— Не хочу вас подставлять. — Не пойму только кого я уговариваю. Разве что себя.

На столе появляются чашечки. Вазочка с печеньем. А в душе поселяется уверенность, что я справлюсь. С такой-то теткой?

— Еще чего, не боись… Отстреляемся. У меня отваживать бывших мужьев опыт знаешь какой? И это только тех, с кем я в загс ходила… А сколько гражданских было… два… но хороших… Ладно, давай по кофе и спать, поздновато уже.

Глава 22

Кого-то кофе бодрит, а меня сейчас наоборот успокаивает. Мы молча пьем напиток богов. Лишь под конец тетка тихо спрашивает:

— Что делать будешь? Ты с мужем так и не поговорила?

Машу отрицательно головой, вцепившись в чашку.

— Не-а.

— А чего тянешь? Раньше сядешь, раньше встанешь.

— Не знаю, еще не готова.

— Так ты всегда будешь не готова, — вздыхает тетя Валя, — нужно один раз отрезать и все. Потом самой легче станет.

— Спасибо, попробую. — Ставлю пустую чашку на стол. — И за кофе спасибо, вкусный как всегда. Я в ванную.

“Как только, так сразу”, — это уже мысленно себе.

Ухожу из кухни в раздумьях.

А действительно, что я теряю?

Вот возьму и поговорю с мужем. Все равно придется рано или поздно и разговаривать, и встречаться.

“Только когда найму хорошего адвоката и начнется бракоразводный процесс, — снова в мои мысли вторгается вторая я-трусиха. — Можно вообще обойтись без моего участия, имею такое право. Пусть все решает доверенный адвокат. Ну, нет! — Тут же затыкаю трусиху. — Ты пройдешь этот путь. Ты могла семь лет назад принять другое решение, но смалодушничала, вот теперь тебе за это расплата. Бери и исправляй”.

В ванной мысли снова возвращаются к Павлу.

“Это ж надо такое предложить, Беркутов? как ты посмел? — мысленно обращаюсь к нему, представляя его стоящим рядом с собой с такой же зубной щеткой, только синей. Моя розовая. Смотрю себе в глаза. — Ну что Гусева-Золотовская, докатилась? В содержанки пойдешь? К самому Беркутову, а? А почему бы и не… — Язык так хочет сказать запретное “да”, но я говорю “нет”.

Уставилась на себя. Наверное, вот такой он меня сегодня и увидел, с вытаращенными глазами, когда сделал свое “приличное” предложение.

На самом-то деле в современных реалиях в его предложении нет ничего неприличного, сейчас все так живут. Приглашают в ресторан молоденькую девушку, угощают и уговаривают на покувыркаться. И если подошла по темпераменту, предлагают квартиру и содержание.

Знаю одну такую богатую содержанку. Да, материально очень даже неплохо, а вот морально… Она уже старуха. и в ее глазах такая печаль...

Не хочу себе такую судьбу.

Зря я ее тогда не послушалась и вышла замуж за Алика. Быть женой-содержанкой нелюбимого, но богатого мужа тоже не мед. Но уже ничего назад не отмотать. Нет такой машины времени, чтобы все повернуть вспять.

“Шиш тебе, Беркутов. Это я тебя в любовники позову, а не ты меня. Еще будешь умолять, чтобы отпустила тебя”. — Сузив глаза, киваю своему отражению и покидаю ванную комнату.

Долго не могу уснуть. Ворочаюсь с боку на бок, слушая скрип кровати и громкий храп из соседней комнаты.

Да, тетя Валя, теперь понимаю, почему ты поменяла столько мужей. Или они тебя поменяли. Но не суть.

Перед глазами Пашкино самоуверенное лицо. Когда он мне говорил все это, на все сто был уверен в моем положительном ответе. Как всегда припер к стенке и в ультимативной форме заявил о своем желании.

Черт! Я до сих пор помню, каким он может быть.

От старых воспоминаний сносит крышу, и я наконец погружаюсь в тяжелый сон.

Во сне мы с Пашкой одни. В его комнате. Он осторожно прижимает меня к себе, его глаза светятся нежностью и любовью.

Он целует меня. Раздвигает требовательным языком губы и проникает в рот.

Я запрокидываю голову и закрываю глаза. От счастья кружится голова.

Пашины руки ласкают мою спину, гладят лопатки, поясницу. Мое тело захватывает теплое наслаждение.

Я таю от его мягких прикосновений, по телу бегут проворные мурашки, и я млею от удовольствия.

Его руки опускаются на ягодицы, мнут их, притискивая к возбужденному паху.

Мне чудится агрессия в Пашкиных движениях.

Я пытаюсь сопротивляться, мычу, но Пашка сильнее.

Я с трудом отстраняюсь от него. Он сердится и снова притягивает меня к себе.

В его глазах уже не любовь, а похоть и злость.

Он толкает меня к стене и поворачивает спиной к себе. Прижимается ко мне возбужденным пахом. Вульгарно трется между моих ягодиц, толкается в промежность.

Слышу его довольное рычание и возбуждаюсь. Во сне. Хочу во сне почувствовать снова его в себе. Как это было уже не раз.

Паша решительно задирает юбку и рвет белье. Без прелюдий вторгается в меня и, порыкивая, начинает двигаться: резко, грубо, жестко.

Хлестко шлепает меня по ягодице. И мощно работает поршнем. Чувствую, как его беспощадный член таранит меня.

Я слышу свой стон и его рык.

Он сплетает наши пальцы и поднимает наши руки вверх, упирается в стену над моей головой.

Моя грудь расплющилась о стенку. Я задыхаюсь. Но не от нехватки воздуха, а от наполнившего меня ощущения наполненности и правильности происходящего.

Пашка со звериным рыком кончает в меня. Без резинки. Я чувствую, как его горячая струя с семенем бьет в матку.

И кончаю следом за ним. Оргазм. Звезды из глаз. Я несусь в невесомости на крыльях оргазма. Мое тело обмякает и рухает в Пашкины руки.

“Только не исчезай! Я прошу тебя, останься со мной”, — молю его во сне, как много лет назад.

И просыпаюсь. Чувствую влагу на лице.

Я плакала? Во сне? Снова?

Как же давно это было.

О боже. Что это?

Мои пальцы в трусах. Я вся мокрая. Кончила во сне.

Обхватываю себя руками, пытаясь задержать то чувство, что я испытала, еще хоть на мгновение.

Ну что, Ксения, ты хотела Беркутова в любовники? Как тебе такой вариант?

Беркутов, ну ты сволочь!

Глава 23

Да ну его к черту!

Выползаю из теплой кровати. Опускаю ноги в тапки и сажусь, смотрю по сторонам, будто впервые в этой комнате.

А вот плевать через левое плечо не хочется, и отпускать сон не хочется.

За окном уже светает. Но будильник прозвенит только через полчаса.

Ах, где вы знаменитые белые ночи!

Я так любила гулять по ночному Питеру в это время. Любоваться разводными мостами, восхищаться подсветкой Никольской церкви.

Нужно решаться, здесь и сейчас, иначе я так и буду трястись над своей никчемной жизнью.

Беру с журнального столика телефон и вытаскиваю номер Алика из ЧС.

Как только номер мужа проявляется в списке, тут же раздается звонок.

— Неверный, — читаю, беззвучно шевеля губами.

Не спал? Караулил? Так похоже на моего мужа.

Паук. Жирный черный паук, плетущий липкую паутину.

С некоторых пор Алик стал оплывать, и мои намеки про тренажерку остались без ответа.

Жму на зеленую. Хватит прятаться.

Кажется, сон придает мне недостающей решимости, и я уже готова к неприятному разговору.

— Ну привет, дорогая, — хрипит в трубке голос Алика. — Я знал, что рано или поздно ты вытащишь меня из черного ящика. Ксень, я тебя давно нашел, если что. Наблюдаю, пока издалека. Не мешаю тебе расслабляться, — слышу его довольное покашливание. Представляю его не менее довольное лицо. — Ты сегодня в ресторане была, говоришь? То есть вчера

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.